

НЕГОРОД

— ПРИЁМЫШ —

ЕКАТЕРИНА КАМЕНЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Каменева
Негород. Приёмыш

«Автор»

2026

Каменева Е.

Негород. Приёмыш / Е. Каменева — «Автор», 2026

Петербург хранит больше тайн, чем кажется. За его стенами скрывается Негород — параллельная реальность, которую видят те, кто способен замечать чудеса. Это место, где можно найти давно снесённый дом, встретить говорящую кошку и узнать, что твои близкие хранят тайны, о которых ты не догадывался. Ланка мечтала о Петербурге, но не знала, что город ответит ей загадкой: старый двор, которого нет на карте, и парень на крыше, который не помнит своего прошлого. Аксель привык быть невидимым. Он живёт на границе двух миров, но даже он не ожидал, что его прошлое вернётся — и окажется опаснее, чем он мог представить. Тополь — боец, студент, философ и ещё кое-кто, кого не ждали — знает, что за каждой случайностью стоит Негород. И что иногда, чтобы спасти других, приходится открывать в себе то, что хотел бы закрыть. «Негород» — это история о поиске себя в мире, где реальность не одна. О том, что прошлое не уходит бесследно, а будущее зависит от выбора, который каждый делает здесь и сейчас.

© Каменева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мечты и реальность	6
Глава 2. Человек и его убежище	8
Глава 3 Девочка и мальчик	11
Глава 4 Открытия и встречи	13
Глава 5 Ключи и двери	15
Глава 6 Отец и дочь	19
Глава 7 Лис и Дед	21
Глава 8 Прошлое и будущее	23
Глава 9 Реальность и чудеса	26
Глава 10 Помню и не помню	29
Глава 11 Загадки и отгадки	31
Глава 12 Негород и реальность	33
Глава 13 Тайное и явное	35
Глава 14 Беда и утешение	37
Глава 15 Хиппи и Себ	40
Глава 16 Поиски и разговоры	43
Глава 17 Кофе и размышления	47
Глава 18 Тоска и хруст французских булок	49
Глава 19 Работа и начальство	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Екатерина Каменева

Негород. Приёмыш

Данный текст засекречен в связи с разглашением конфиденциальной информации СУОБМ. нач. СУОБМ по СПб и ЛенОбласти Шнайдер С.Р.

Контроль категорически не рекомендует данный текст к прочтению. Лисовский Р. Н.

Присвоить гриф “Совершенно Секретно” в связи с разглашением подробностей операций Бойцов города Санкт-Петербурга.

Координатор Бойцов по СПб и ЛО Горин А.И.

Координатор Бойцов по Северо-Западу Кочетков Д.Н.

Глава 1. Мечты и реальность

Переехать в Питер Ланка хотела лет с тринадцати. Отец неизменно отказывался, утверждая, что ему Петербурга в жизни по самые гланды хватило и хватает сейчас. Брат поднимал бровь и говорил, что Яна Карловича Питер достал ещё больше, а без наставника и начальника он никуда на ПМЖ в ближайшее время не поедет. Потом старшие родственники хором заявляли, что пока они за нее отвечают, то она сидит тут. Лис еще добавлял веское матерное слово в адрес школы с ее экскурсиями и радовался, что Лерку так не проняло.

Именно с той злополучной для учителей и очень увлекательной для всего класса школьной экскурсии все и началось. За неделю двое из самых противных одноклассников чем-то отравились, Лерка исчез в неизвестном направлении на пару дней, а Ланка влюбилась в город. Счастье длилось неделю, а потом каникулы закончились, пришлось уезжать и Лерку, к сожалению, учителя тоже нашли. Ланке всегда хотелось где-нибудь забыть эту ходячую неприятность, которую приходилось мужественно терпеть и подтягивать по математике. Всю дорогу домой Ланка обижалась на город за то, что он не дел куда-нибудь этого дурака, но быстро сменила гнев на милость.

Этой своей любовью и искренним непониманием, почему отец променял такой хороший Петербург на что-то другое она достала всех за три года так, что вся семья дружно послала ее после школы учиться на все четыре стороны и, возможно, в тот самый Петербург. Борька искренне заверил, что с нетерпением будет ждать на каникулах, но воссоединяйся уже, дорогая сестрица, со своим любимым городом и не трепи нервы. Отец, утирая пот со лба, заявил, что даже вникать не будет в то, в какое место она поступит и, главное в то, зачем ей это. Круче Борьки она все равно не отмочит. Ланка ещё тогда удивилась, что крутого в обычном психологе и санитаре, пусть его и привлекает к работе местный следственный отдел, но в ответ получила только загадочную улыбку.

Вот за это она папу любила: он считал, что его дети со своей жизнью сами разберутся. Всегда просил только не лупить никого портфелем по голове, не драться и не лезть на рожон. На это Ланка презрительно фыркала, что драка это для слабаков, а она действует более тонкими и умными методами. Отец вздыхал, аккуратно выражал сомнение по поводу методов, но в жизнь не лез. Брат тоже был нелюбопытен: у него и без этого дел хватало, вечно пропадал то на одной работе, то на второй, а потом ещё и жениться собрался. Собственно Ланке того и надо было, чтобы родня не особенно за ней бдила. Меньше знают, крепче спят. Она подозревала, что против театрального института возражения будут как минимум у Борьки. Брат иногда был удивительно упрям. А так смело можно лететь навстречу мечте.

Потом неожиданно умер Егор, просто не проснулся и оставаться в родном городе оказалось совсем невыносимо. Она часто ловила себя на мысли, что ищет среди прохожих и мимохожих знакомое лицо. Ей снились кошмары и она просыпалась в слезах, ровно до того момента, когда не пришел Борька и не сидел ночь у ее постели, рассказывая сказки и байки. После этого исчезли страшные сны и всякое желание оставаться в родном городе.

Первую неделю Ланка ходила по улицам и набережным Санкт-Петербурга как шальная от опьяняющего ее восторга. Было ощущение будто ей руки свалились самые крупные манго с самой высокой пальмы.

Правда, когда эйфория схлынула, то выяснилось, что в городе мечты оказалось немного своеобразно: мокро, ветрено и не совсем так радужно, как рисовало воображение.

Учиться в институте было интересно, но при этом сложно. Причем, иногда Ланка выматывалась настолько, что когда садилась на окно в перерыве между парами, то могла случайно задремать от усталости и нервного перегруза. Приходилось просить однокурсников тормозить

ее и разговаривать. Или просто ходить по коридору. Зато она изобрела новый тонизирующий напиток: шесть ложек растворимого кофе, шесть ложек сахара, заварить и разбавить большим количеством молока. Поднимал даже после бессонной ночи. Правда местный “вечный студент”, когда увидел, как она это себе заваривает, то обозвал ее “мечтой кардиолога” и пообещал дать ей по шее и вылил свежесваренный напиток в раковины. Грозил жуткими карами, если ещё раз увидит. Не то, чтобы она думала, что этот напиток кулинарный шедевр, но можно же повежливее?

Большой город с непривычки оглушал, под окнами общежития постоянно кто-то орал, пел или ругался. В центре не было тихо примерно никогда, даже в восемь утра, когда сонная Ланка брела в институт, то на улице обязательно кто-то шатался. А из института можно было смело выйти в снимающийся фильм. На метро она ездить боялась, но ее компания предпочитала автобусам именно его. Поэтому спускаться в подземку все равно приходилось и даже изо всех сил стараться не вздрагивать при виде поезда. Нельзя же так сильно падать лицом во все, что под это лицо попало, причем на глазах у однокурсников, особенно если ты ещё и староста этого курса. Старостой она быть не хотела, само как-то получилось.

В общежитии приходилось использовать тонкие методы воздействия гораздо чаще, чем хотелось и это бесило. После подсыпанного в еду слабительного ее полку в холодильнике стали обходить стороной. Визг соседки из душа после случайно взятого ланкиного шампуня Ланка слушала со злорадным удовлетворением. Оказывается хлорка чудесно провоцирует в людях музыкальность. Ей было не жалко шампуня, но она ненавидела, когда берут чужое без спросу.

Существенный минус был в том, что у соседок были свои какие-то порядки, в которые Ланка не вписывалась. Тумбочку не занимать, громко не дышать, домашнее задание вечером не делать. Пришлось перебазироваться на кухню, там вечерами, плавно перетекающими в ночь собиралась неплохая компания. Вечный студент, один скромный застенчивый поэт, карточный шулер, два гитариста, солист и басист, мечтающие стать большой рок-бандой и Ланка. Иногда они с вечным студентом, разогнав всех, болтали ночами обо всем и ни о чем до самого утра. Самое интересное, что Ланка так и не знала, как его зовут. На все вопросы он отмалчивался или просил назвать его как-нибудь или раздражался монологом на тему, что имя всего лишь набор буквы, так что же в имени тебе моем?

От этих всех неприятностей и неурядиц иногда безумно хотелось сесть на ближайший поезд и уехать домой. Ну или хотя бы от души пожаловаться отцу или брату, от души наплевав на то, что это неспортивно, а она взрослая и самостоятельная личность. Нытиков Ланка не одобряла с детства, правда отец всегда говорил, что иногда лучше выговориться, чем держать в себе и случайно взорваться. Он придумывал сказки, про то, как затравленные и держащие негатив в себе люди превращались в жутких чудовищ.¹ Ланка послушно пугалась, но все равно скрытичала.

Весной стало чуть легче, в основном потому, что стало посветлее и потеплее и можно было часами пропадать на улице, возвращаясь в общежитие только под самый комендантский час. Домашние задания она предпочитала теперь делать в кофейне рядом с институтом. Там не трогали и иногда собиралась неплохая компания. Жизнь стремительно налаживалась слегка неочевидными путями.

¹ Мне и самому хотелось бы верить, что это сказки, но, к сожалению, нет. – Дед.

Глава 2. Человек и его убежище

Если бы кто-нибудь додумался спросить Акселя кем он хочет стать, когда вырастет, то получил бы резкий и четкий ответ. Обычным. Просто обычным, ничего из себя не представляющим человеком, а ещё и соседей желательно таких же. Спасибо. Странности и чуждости он в своей жизни наелся полной ложкой. И чужих косых взглядов тоже.

Начать с того, что его семья сама по себе была пощечиной всему негородскому обществу. Где это видано, чтобы волчица из приличной, уважающей себя стаи нахамила жожаку и ушла в неизвестном направлении? Да ещё и вышла замуж за фея? Немыслимо. Мать не понимали, хоть и поговаривали, что не так все просто в ее истории, не шибко принимали, но уважали и признавали, что без нее не обойтись. Именно она могла найти все от потерянной пуговицы до сбежавшего кота. С ищейкой Айседорой старались лишний раз не ссориться. Берет недорого, не вредная, стая спускать с нее шкуру не приходит, правда и за нее не вписывается. А самое главное работу она выполняет честно и в срок, непонятно только почему связалась с этим крылатым аферистом.

В общине фей тоже было не все гладко. Феи гудели как рассерженные пчелы, когда Тэнни Золотое Крыло, подающий надежды менталист, известный гонщик² и отчаянный парень, внезапно ушел из большого спорта и клана, и поселился на отшибе. Да ещё и магазинчик магических амулетов завел. Торгует чем не попадая, да ещё почти постоянно ходит в человеческом размере. Правда ходили слухи, что плохим мальчиком он как был так и остался. И если прийти в лавку после заката, то там можно купить совершенно другие товары.

Версии родительского знакомства были всегда разные. По одной мать отца чуть не загрызла, по второй он ее от чего-то спас, по третьей вовсе нечто невероятное. Аксель не вникал.

На самого Акселя поначалу тоже смотрели косо, но потом привыкли. И, разумеется, об его появлении в этом доме тоже ходило много слухов. Тэнни на это смеялся и говорил, что все пустое, дураков не слушай. Человек для этого квартала был необычен просто самим фактом своим присутствия. В нелюдском квартале людей нет, люди дальше живут. Отношения с соседями у него сложились глубоко неприязненные. Хмурый, молчаливый и угрюмо зыркающий на всех, он не любил их, а они не любили его. Цветные, торчащие во все стороны волосы только добавляли излишнего внимания. В папе умер великий дизайнер и парикмахер. Причем помер настолько хорошо, что с последствиями агонии не смогла справиться ни одна цирюльня в округе. Несмотря на это все приемных родителей Аксель любил, правда относился к ним с изрядной долей иронии и чувства юмора.

Если говорить про окружающий его мир, то у него было два места вне дома, где он не чувствовал себя белой вороной, зелёной обезьяной на заборе или ещё каким-то экзотическим зверем. Работа и карман.

В “Нейтральную полосу” его притащил отец ещё лет в тринадцать. После очередной драки и вопроса, почему его настолько не любит окрестная детвора и учителя. В школу он ходил как на каторгу, в местную в соседнем дворе. В человеческий квартал ездить было очень далеко и неудобно.

– Мы отщепенцы, Сель, так уж вышло. – Отец садится рядом, грустно качает головой и цокает языком, шевелит бесполезным в человеческом облике крылом. Аксель любит рассматривать эти крылья, разноцветные, похожие на стрекозиные, – Нас уважают, это верно, охотно

² К слову этот самый Тэнни может развить скорость, превышающую скорость самолёта. Не всякого, но кукурузник точно сделает одним крылом. – Лис.

пользуются нашими услугами, несомненно, но не понимают и не принимают. Мы странные. А в непонятное...

– Обязательно нужно кинуть камнем? – продолжает Аксель, потирая плечо. После этой стычки он впервые ревел прямо на улице как девчонка.

– Я этого не говорил. Дай угадаю, в школе ты тоже единственный человек? – Аксель хмуро кивнул. – кажется я знаю, чем тебе можно помочь, ну или хотя бы облегчить тебе жизнь. Ничего не бойся.

Хорошее предупреждение, а главное очень своевременное. Сначала в этом баре смотрели на них так же враждебно, как и все до них. Прилично струхнувший мальчишка только потом понял, что это было не на них обоих, а распространялось только на отца. А ещё Аксель хорошо запомнил вздернутую бровь бармена презрительный взгляд, и ответный вопль родителя:

– Диего, уймись! Я знаю, что вы все пообещали мне выдернуть мне крылья и ноги, если я ещё раз тут появлюсь, но помогите мальцу. Он не причем. Дети за отцов не отвечают, особенно приемные.

Аксель смело выдержал чужой тяжёлый взгляд

– Дети, значит. Не отвечают, значит. – Бармен неопределенно пожал плечами, – Ох, Тэнни, долетаешься когда-нибудь. Ходят слухи...³

– Пусть обратно валят твои слухи. Кто-то помнится говорил, что принимает всех и не задаёт лишних вопросов? – отец неприятно ощерился. Зубы у фей острые, а Аксель за эти почти четыре года не замечал.

– Всех-всех, поэтому ты ещё жив, летучка, – проворчал волк у камина.

– Лётай отседова. Мальчишка пусть остается, потолкуем. – Аксель затравленно оглянулся на дверь, за которой скрылся отец, но к нему Диего⁴ обращался вполне дружелюбно, – Ну, а ты что хочешь, малый?

– Спокойно жить и чтобы на меня не смотрели как на синюю собаку на заборе.

– Тут каждый сам себе синяя собака, – засмеялись с углового столика. – Забегай.

Сначала Аксель просто заходил после школы, наслаждаясь отсутствием агрессии и тем, что на него смотрели как на обычного подростка, а не так, как будто у него рог во лбу вырос и светится. Потом выяснилось, что там еще можно и послушать хорошую музыку и поговорить. Его учили метать ножи, подсовывали почитать хорошие книги и играли с ним в нарды. И с той поры Акселя оттуда было совершенно не вытащить.

Как то незаметно для себя он стал этому странному месту как будто сын полка. Хотя, официально, конечно, официантом и иногда барменом⁵.

Второе убежище, в котором можно было отдохнуть от жизни совсем и от первого убежища в частности было заброшенным карманом. Пересечением Негорода и той, второй реальности, которую негородские жители называли первичной, а иногда и просто реальностью. Аксель, если честно, не очень в это вникал. Его интересовали только дом с книгами, работа и чтобы его не трогали. Говорили, что когда-то тут жила целая община пограничников и был среди них один знаменитый врач, который никогда не делал различия между людьми и не очень. Лечил всех, кто к нему обращался за помощью. Даже крыло отцовской тётке пришил раз так, что и незаметно было и летала она не хуже прежнего. А ещё говорили, что среди тамошних обитателей такие чудесные певцы и танцовщики были, что заслушаешься и засмотришься.

Потом что-то произошло и теперь в этот дворик наведывается только пара-тройка бывших завсегдатаев и залётные гости. Да, и то это неточно. Местные тоже потихонечку ходить

³ Слухи тут ходят про любого, кого пальцем не ткни. И про самого Диего тоже. И только ему (и немного мне по долгу службы и любопытству) известно, что из них на самом деле правда, – Лис.

⁴ Настоящее его имя можно выговорить разве что предварительно напившись. Я пытался. Диего его пограничники обозвали по созвучию. – Аксель.

⁵ И худшего официанта я тут ещё не видел! – Лис.

перестали. Неинтересно. А вот для непонятного даже для себя парня это оказалось спасением. Он радовался каждой возможности прийти, сесть на лавку и закрыть глаза.

Иногда Аксель видел, как в окнах дома зажигается свет, но никогда не подглядывал и не за кем ее следил. В дом он никогда не заходил, может быть, и хотелось бы подойти поближе, но при приближении к подъездным дверям начинала зверски болеть голова, а перед глазами мелькали черные круги. Через пару попыток Аксель оставил это гиблое дело и держался от дверей подальше (особенно от фиолетовой), а вот дворе и на крыше неприятных ощущений никогда не было.

Он любил одиночество, а общения всегда хватало на работе и дома. Здесь было тихо, спокойно, как будто время замерло, никуда не двигается и привело рядом на край выкрашенной лавки. Он приходил сюда в любое свободное время, именно здесь он ощущал себя цельным. Родители иногда спрашивали, что он там делает, а ему было нечего ответить. Как объяснить, что есть в этом какое-то волшебство: просто растягиваться на лавке и долго лежать, смотря на звёздное небо. Иногда сидел на крыше и тайком курил, припрятанные от родителей сигареты, а это тем более объяснять не хотелось.

Дома, особенно когда он был младше, ему пытались запрещать даже кончиком носа соваться в этот карман, но разве за ним уследишь? Аксель так любил берег свое личное пространство, что научился исчезать от мамы с ее острым нюхом и убегать из запертой комнаты, если ему это было нужно. Поэтому родители махнули на него кто крылом, кто лапой, ограничившись нотациями и ворчанием. Каждый раз повторялся один и тот же диалог.

– Опять в своем кармане был, – завидев Акселя ворчливо замечала мать, брезгливо морща нос, – Сколько раз повторять? Это опасно! Туда из реальности ходит пёс знает что. Лучше бы ты на работе ночевал, ей-лесу.

Аксель привычно бурчал что-то невнятное про то, что карман ему жизненно необходим. Для душевного равновесия и комфортной жизни. И даже, если кто туда и ходит, то к Акселю ни разу никто не подошел.

– Да пусть себе шастает, – отец уменьшает и взлетает над полом. Аксель тихо выдыхает в сторону, привычно ощущая поддержку. Именно отец был в этом доме тем, кто всегда выслушает, выпустит из угла и накормит запрещенными сладостями вместо ужина.

– А вдруг... что-то пойдет не так? – мать всегда тревожно смотрит на отца, шумно вздыхает, нервно дергает специально для этого отросшим ухом.

На этом месте папа обычно вспоминал, что у него что-то взорвалось или случилось или пришла поставка и быстро удалялся, оставляя диалог болтаться в воздухе, а маму ругаться на то, что хитрый фей опять сбежал от ответственности.

Что вдруг? Что? Что ещё может пойти не так в жизни мальчика, у которого и так все наперекосяк. Он узнает, что он приемный? Сложно, конечно, догадаться. Просто невозможно. Мама-оборотень, папа-фейя, а сын человек. Совершенно обычный человеческий человек с некоторыми странностями. Единственный в этом районе. Какие странности? Пустяки. Во-первых, он помнит себя только лет с десяти. Примерно. С памятью разобраться, конечно, хотелось, правда уже не так ярко как в первые лет пять, но было бы неплохо. Во-вторых, умеет исчезать для любого существа и даже для предмета. Причем не только становиться невидимым, но и ничем не пахнуть и быть бесплотным. Можно просто пройти сквозь него и не заметить. Способность эта Акселю очень нравилась и пару раз спасла жизнь. А когда он придумал, что для стенки тоже можно исчезнуть, то и подарило свободу и в какой-то мере даже мечту. Его нет. Смотреть оказалось не на кого. Про эти возможности он тоже никому особенно не распространялся, меньше знают крепче спят. Это было только его, своеобразной страшной тайной.

Глава 3 Девочка и мальчик

Это странное место Ланка нашла себе внезапно где-то в начале марта. Они просто шли на концерт и срезали угол через проходной двор. Эти питерские дворы-колодцы, одно из тех изобретений, ради чего стоило переезжать и терпеть все эти неурядицы. Большие и маленькие, зелёные и просто кирпичные коробки с одним деревцем, проходные и глухие, скучные и с разными артами и иногда памятниками внутри. Они, казалось, тоже были отдельным маленьким городом в другом городе существенно побольше.⁶

– Ой, ворота, – Ланка потеряла ударенный лоб, створка слегка протестующе загудела, – а вы тут откуда?

Несколько лет назад они с отцом⁷ проходили этим путем, но ничего подобного Ланка не замечала. Она могла с уверенностью сказать, что никаких ворот, тем более настолько гостеприимно распахнутых тут никогда не было до сегодняшнего дня.

Створки и стена рядом были испещрены цитатами, афоризмами, надписями, рисунками и разными знаками. Ланка склонила голову рассматривая это народное творчество и замечая много знакомого. Вот пацифик, вот руны, вот какие-то стихи, причем достаточно неплохие. Тут вот очень похоже на почерк дяди, да эту завитушку она тоже когда-то давно видела.

– Ты чего застыла? Ногами быстрее двигай, а то опоздаем, – однокурсни́к дёрнул ее за рукав, – Не тормози.

– Тут ворота... – она слегка толкнула коленом створку, та противно заскрипела, а он даже ухом не повел.

– Тут лист железный, им входит в соседний двор заколочен, пойдем, – спорить ни времени ни желания не было, поэтому пришлось позволить себя увести, пообещав себе прийти туда попозже. Ворота с лязгом и шумом захлопнулись, но из ребят никто не обернулся.

Когда Ланка все-таки вернулась и вошла в опять гостеприимно распахнутые ворота, то обнаружила совершенно чужой, незнакомый совсем и даже какой-то не питерский двор. Он напоминал иллюстрацию из детских книг: деревянный чуть покосившийся стол, голубая лавочка, натянутые веревки для белья, фруктовые деревья. Настоящие персики на дереве прямо в центре Петербурга! А ещё вишни, яблоки и абрикосы посреди зимы, жаль что не очень много.

Когда первый раз девчонка пришла в карман, Аксель от злости чуть не свалился с крыши. Это его место! И его абрикосы, а грецкий орех когда-то посадил его собственный работодатель. Аксель никого сюда не заказывал, не звал и совершенно не был готов к тому, что сюда будут приходить, читать книжки, что-то там свое писать. Жить. И судя по ее уверенному виду приходит она сюда уже не первый раз. Как несправедлива жизнь: стоило всего на пару недель уйти в работу и на тебе.

Пять минут он рассматривал девчонку, находясь исключительно в праведном негодовании, а та его даже не заметила. Парень потоптался по крыше, плюнул с досады и пошел домой.

– Ты чего такой злой, будто твой карман наконец взорвали? – благодушно поинтересовалась мама, раскатывая тесто на пирожки. Даже обошлось без обычных ворчливых нотаций: искры от Акселя так и летели, у волчицы не повернулся язык на него ругаться, так до скандала недалеко. Да и у нее было очень миролюбивое настроение.

⁶ А если ещё и карманы в это уравнение включить, то выйдет матрёшка. – Себ Шнайдер.

⁷ Отцу понадобились все стратегические запасы силы воли, чтобы не показать лицом, что ворота все же есть, створка только что ударила его в плечо, а на стене появились новые надписи. – Дед

– Там девчонка какая-то шляется, – Аксель а выразительно скривился и добавил, – не наша, из той реальности.

– Что, мы дожили, и туда, наконец, гадость всякая полезла? – ехидно захихикал отец, приземляясь ему на плечо. Аксель промолчал, недовольно дёрнув рукой. Тэнни таким было не пронять, он только слегка покачулся и остался сидеть.

– И что? Карман же не твоя собственность, пусть ходит тебя же никто не заставляет с ней общаться. – рассудительно пожала плечами Айседора, прихлопнув ладонью кусок теста, – Не утянет же она тебя из Негорода за собой в свою реальность? Ну или прекращай туда лазить.

Был он уже в этой реальности ещё лет пять назад. Не понравилось. Нет, никакой боли, как рассказывали завсегдатаи, он совершенно точно не испытывал, даже кишки ни разу не крутило. Просто какая-то ревущая и грохочущая штука промчалась перед его носом и мальчик решил, что он без этого проживет. Он только потом понял, что это обычная машина. В его квартале предпочитали лошадей.

– Там шумно, – буркнул Аксель. – и плохо пахнет.

Зря он проговорился. Пришлось выслушать лекцию про то, что жителям Негорода категорически опасно выходить из кармана не в ту сторону. Он же не пограничник какой-нибудь! Им к нам тоже опасно, не вздумай кого-нибудь сюда притащить! Ты же знаешь, мама не переживет твоей гибели. И если ты убьешь кого-то по глупости и попадешь в тюрьму, мама тоже не переживёт. И помни, мир не твоя собственность.

Через пару дней Аксель смирился и злиться прекратил. Девчонка была нешумной, не суежилась, не показывала на него пальцами и не дразнилась, а просто сидела на лавочке и что-то читала или занималась. Это с акселевой точки зрения были неоспоримые достоинства, поэтому ей было позволено находиться в кармане. Она правда не спрашивала его разрешения, но Акселя это не очень волновало. Если что он мог сделать жизнь некомфортной.

Правда подошёл он к ней далеко не сразу. Стеснялся. Аксель не любил выбираться из раковины и долго готовил себя к первому шагу. Сначала сидел на крыше смазанной тенью, наблюдал. Ничего ужасного и мешающего она не делала и через некоторое время Аксель стал ее воспринимать как часть пространства. А потом она стала с ним разговаривать. Точнее просто что-то говорить себе под нос, внимательно глядя на него. И вот странность, говорила она явно не очень громко, но слышал Аксель ее так, как будто она находится у него за спиной. Хотя почему странность? Пограничникам Негород дает всякие способности. Почему бы и не такую? Опять-таки, Акселю было даже интересно послушать про чужую жизнь. Он привык.

Она просто рассказывала как прошел день, что нового прочитала в книгах, делилась какими-то мыслями. И, кажется, сама была не уверена настоящий Аксель или просто тень и ей кажется. И вот в какой то прекрасный день Аксель принес этот рассказ непосредственному начальству.

– Надо идти знакомиться. – глубокомысленно подытожило начальство, выпустив к потолку колечки дыма. – Не дрейфь. Иначе, чем черт не шутит, ещё и жалеть будешь.

– Чертям некогда, у них завтра опять концерт, – упрямо огрызнулся Аксель, получив в ответ лёгкий почти отеческий подзатыльник.

Глава 4 Открытия и встречи

Магический реализм появился в жизни почти сразу, восхитив Ланку, как фанатку данного жанра и как любительницу искать необычное в привычном и обыденном.

Во-первых, никто из ее знакомых не видел этих ворот. И даже камера показывала просто стенку с криво прибитым к ней железным листом. Кстати про стеклянную штуку посреди Сеной площади все хором утверждали, что она все путает. Она тут не появлялась полгода назад, ее, наоборот, снесли лет десять как. И Эрмитаж никто не перекрашивал. Зимний Дворец Ланка видела то красным, то золотисто-желтым, то серым, то обратно зеленым. Во-вторых она могла провести в этом дворике сколько угодно времени, но обратно выходила примерно в тот же час, в который туда зашла. Это она выяснила, зачитавшись до поздней ночи, в панике выбежав на улицу и обнаружив, что на улице-то как раз ещё день. В-третьих это место не производило впечатления заброшенного, заросшего и покинутого. Оно казалось живой и дышащей картинкой, чем-то таким, что ни разу не меняется со временем, будто застыло в капле янтаря. А люди? А может быть люди спят или уехали в отпуск. Как будто кто-то этот двор нарисовал, а она, Ланка, туда зашла. Правда день и ночь сменяли друг друга как приличные. Пару раз она видела как зажигался свет в окнах, иногда чувствовала на себе чужой внимательный взгляд. Сначала откровенно злой, а потом все добрее. Да ещё и силуэт этот, то ли мальчик, то ли виденье. Чаще всего он сидел на крыше, иногда в дальнем углу двора. Выглядел он так, как будто это были очертания человека. Контур. Тень или некое марево. В какой момент Ланка стала с ним разговаривать она не отследила. Ее это забавляло. Он, конечно, ее не слышал с крыши, говорила она тихо, но ей нравилось. Можно было вообразить, что они знакомы или даже друзья. Она любила, поболтать, раньше ее горести и радости терпеливо выслушивал брат, но Борька был далеко и ему не всегда можно было позвонить. А силуэт близко. Вот и сейчас она привычно поздоровалась.

– Привет, Тень.

И очень удивилась, когда в ответ раздалось тихое.

– Привет, – он спрыгнул с крыши, сделал шаг вперёд, обрёл объем и краски. И оказался парнем ее возраста, в джинсах и вязаном свитере. Ничего сказочного и необычного, неуверенная улыбка, серые глаза, только волосы у него были кислотные. Розовые, голубые и зелёные. Взрыв цвета на голове.

– Ой, – Ланка стояла и беспомощно хлопала глазами на шевелюру, не зная, что сказать. Парень обречённо закатил глаза и дёрнул себя за прядь с мрачным видом

– Всегда все на эти волосы пялятся. – пожаловался он, – Папа сделал, он любит яркие цвета. Она всегда такая, прикинь! Ни краска не помогает, ни стрижка. Чёртовы феи. А ещё я не Тень, Тень это один дурак из Контроля.

– Ты меня слышал? – ланкино лицо озарилось и удивлением и радостью одновременно. Она же просто так разговаривала, – мне казалось, что я тихо говорю, а ты далеко.

– Слышал, – он помялся, потом признался, – Просто подойти боялся, я – Аксель.

– Лана. Я нестрашная, – Она радостно улыбнулась, Аксель слегка дёрнул уголок рта в ответ, а она продолжила говорить как из пулемета. – Я, когда маленькая, лет в пять, была очень хотела, чтобы меня звали только полным именем. А теперь не хочу. Какое-то оно дурацкое.

– А я маленьким не был, обидно даже, – Аксель говорил очень быстро, Ланке казалось будто слова рвались с губ, и он уже не мог держать это в себе, – точнее не помню, представляешь? Прости. Не знаю, зачем я это сказал.

Ланка не представляла, она-то себя помнила с младенчества.

– Ужасно тебе, наверное, – она искренне пожалела, оставшегося без несомненно чудесных детских воспоминаний парня. Ей свое детство нравилось, и деревня Коршуна, и летние лагеря и даже немного школа.

– Я привык, если я не помню, можно притвориться, что этого не было .

– А почему так? – На самом деле ей было все равно, да и дома учили не лезть в чужую жизнь. Правда по своей, всегда бесившей Лерку привычке, докапываться до сути она все же хотела понять в какое же странное место она уже не первый месяц регулярно приходит. Заодно почему Аксель не помнит свое раннее детство. Бонусом. Где-то в воображении братец укоризненно погрозил пальцем, откусил от воображаемого яблока, которыми его всегда щедро снабжал Ян Карлович, и напомнил, что любопытство стубило кошку. Ланка отмахнулась, воображение с памятью расщедрились и подкинула Лерку в шестом классе, полезшего в драку из-за невинного вопроса. Но с Валерием у нее всегда было сложно это не показатель.

– В этом надо срочно разобраться. И в том, что это за место такое и почему не помнишь, – она старательно скорчила серьезное и важное лицо.

– С местом я тебе могу помочь сразу, это проще простого, – принужденно засмеялся Аксель, – это негородской карман. Ты в реальности живёшь, а я в Негороде, тут мы пересекаемся. А почему не помню не знаю, мне иногда сны снятся, что помню.

– А Негород это что? Ещё один Петербург?

– Не только, – Аксель пропустил между пальцами одну прядь и задумался, – В смысле не только Петербург, он во всех городах есть. Просто вашей реальности стало скучно и неудобно в ней самой и поэтому появились мы. И ещё места не оказалось.

– Места чему?

– Всему страшному, прекрасному и удивительному, что могли придумать люди. Теперь оно живёт у нас. Поэтому вашу реальность мы по-научному называем первичной. Нас так на истории Негорода учат.

– Значит наш мир создал ваш? – В ответ Аксель нахмурился.

– Ни в коем разе! Он только открыл двери. Негород справился сам. Сам себя создал, понимаешь? Не путай!

– Ты так говоришь, будто он живой, – нахмурилась Ланка. Ощущение было, что Аксель рассказывает о старом приятеле.

– Он живой и есть. И думать умеет. – Аксель сжал зубы, потом стукнул по столу ладонью и рывкнул, – В свое время поймешь, если мозгов хватит.

И удалился, явно посчитав, что знакомство как-то не задалось. Вся его спина выражала обиду и разочарование. Ланка восприняла это философски, Лерка вел себя со всеми примерно так же первое время. Это не повод ссориться.

Поэтому Ланка продолжила приходить и разговаривать с ним как ни в чем не бывало. Сначала его не было, потом он стал появляться на крыша. Потихонечку он расслабился, через недельку опять слез, начал с ней разговаривать и отвечал даже на глупые вопросы.

– А там кто-то живет? – Ланка указала на подъезды. Она не видела, чтобы они открывались и туда кто-то заходил. Честно говоря побывать в доме ей давно хотелось, но было не до этого. Она ловила каждый момент для того, чтобы побыть в одиночестве, сделать заданное на дом или книжку почитать, без того, что кто-то придет и будет стоять над душой. Компанию она любила, но не всегда.

Глава 5 Ключи и двери

Дверей было семь, и все они в цвета радуги раскрашены, жаль что не в правильном порядке.

– Никто. Но, если хочешь пойдём посмотрим, – неохотно отозвался Аксель бросив быстрый взгляд на дом и одну конкретную фиолетовую дверь с козырьком и фонарем. Наградой была ещё одна солнечная улыбка. Улыбки ланкины Аксель любил, а вот конкретно с этой дверью были очень сложные отношения. Чем ближе парень к ней подходил, тем больше внутренности сворачивались в тугую неприятный клубок, а во рту пересыхало, немели ноги.

Как ни странно другие подъезды воспринимались нормально, он их просто не любил. Разумеется, это показывать никто не собирался, быть слабым Аксель ненавидел сколько себя помнил. Он даже когда ему камень перебил плечо стиснул зубы и смолчал. При мысли, что та же Ланка увидит его слезы в горле образовывался спазм, а руки начинали чуть мелко дрожать. Поэтому он поднялся и первым пошел навстречу неизведанному и подъездной лестнице.

В подъезде было тихо и до невозможности уютно. На полу был пестрый половичок, на стенах старинные фонари. Справа от лестницы стояла конторка для вахтера: стол с зелёной лампой, старое кресло, на стене висела доска с ключами и номерами квартир. Дверь отсутствовала, хотя когда-то безусловно была. Ланка туда зашла первой, любопытно вертя головой. Аксель уныло плелся следом, проклиная все на свете и свою доброту.

– Негородской товарищ, помни! Уют и тишина зависят от тебя. Уважай общественный порядок, – вслух прочитала Ланка, – Интересно, а тут ктонибудь сейчас есть?

– Пять крючков свободно, – отчитался незаметно подошедший и теперь задумчиво разглядывающий доску Аксель и нервно сглотнул. Его взгляд рассеянно блуждал по конторке, потом остановился на одном из ключей. – Ой, я его... помню.

– Помнишь? – переспросила Ланка. Он кивнул. Тяжёлый латунный ключ с завитушками был знаком до последней чёрточки. Аксель одновременно неохотно и немного азартно кивнул.

– Спорим, справа на кольцо есть щербинка. Проверь .

– Точно! Откуда? – хороший вопрос. Оттуда. Из снов, из теплых ночных снов, где есть голос мамы, только не волчицы, а настоящей, где он ощущает как его подкидывают чужие руки, где светит солнце и его зовут как-то по-другому.

– Не знаю, но раньше я тут точно не был. В других бывал, но там ничего интересного нет, кроме того что за оранжевой дверью картины крутые.

Аксель был готов чем угодно поклясться, что в подъезде он был в первый раз. Не тянуло его туда заходить. Подъездная дверь не перестала внушать страх и отвращение только потому, что он отчаянно бравировал.

– Я и дверь в квартиру помню, – озадаченно сказал Аксель, удивляясь внезапно всплывшей в памяти картинке, – Она с такими же завитушками и барельефом.

Ещё ручка была жутко тяжёлая в виде орлиной цепкой лапы. Аксель помнил как было неудобно удерживать ключ, но ему пятилетнему было важно открывать самому. Заболела голова, в висках застучали дятлы с молоточками.

– Я такую же точно штучку когда-то дяде дарила. – подошедшая Ланка цапнула с гвоздика маленький ключик с брелком в виде девятихвостого лиса, повертела его в руках. Глаза зажглись искренним любопытством и интересом, – Ой. А он не такой же, он тот самый. Смотри, тут облупилась краска и тут лапка. Это Лерка, он..мой... точнее совсем не мой...наш...родственник, когда-то потерял ключи и ходил с ключами Лиса, ну и уронил их на какой то камень, а потом сам чинил до поздней ночи. Этих ключей тут просто не может быть, а почему они есть?

– Что? – слегка раздражённо откликнулся на ее монолог Аксель, облизнул сухие губы. Руки немного жгло, голова нещадно болела. – Не знаю.

– Это моего дяди ключи. Но у меня же родичи нормальные скучные люди. – Прозвучало жалобно, Ланка явно смутилась. – Они же не могли взять и попасть в Негород?

– Я бы не был столь уверен. Зовут их как? Повтори, я прослушал, – Аксель сел за стол, и уронил голову на скрещенные руки. Стало чуть легче.

– Дед и Лис, – привычно назвала прозвища Ланка⁸.

– Как?! – Аксель сначала дернулся от неожиданности, потом не удержался и расхохотался в голос. Даже голову поднял. Эти имена знал не то что весь его квартал, а весь негородской северо-запад, если не дальше.

Нормальный и скучный Владыка Теней это было шуткой ещё посмешнее, чем когда его прихвостень назвался Тенью. Аксель тихо взвыл от восторга. Да и ручного бойца приюта засранцев было трудно заподозрить в нормальности. Конечно, оставался шанс, что это другие люди, но очень небольшой.

– Ты чего? – Аксель утер, выступившие на глазах слезы.

– На работе кому сказать, так все от хохота помрут.

Он уже было хотел рассказать, что ей повезло заполучить в родственники одного очень известного в Негороде пограничника и даже одну уже негородскую личность, но виска что-то коснулось как перышком. *Уймись. Не мешай инициации.* Аксель резко замолчал и закашлялся. Побочным эффектом внезапно прошла голова и в ушах зазвенело. Слухи ходили, что Лис ещё и не такое умеет, но Аксель сталкивался впервые. К Контролеру, облюбовавшему его родной кабак он предпочитал не подходить без надобности. Рассказывали про него многое. Никто не мог понять, как обычный когда-то пограничник стал не просто негородским жителем, но ещё и сумел управлять тенями и чужими мыслями.

– Что-то случилось? – Ланка встревоженно заглянула ему в лицо, видимо в нем Аксель тоже как-то поменялся.

– Неважно. Смешное вспомнил, а потом резко забыл, – Аксель, закусил губу до крови, на висках выступили бисеринки пота.

– Пойдем? – Ланка, благоразумно решила сменить тему, но легче от этого не стало.

– Давай сначала ко мне, – мотнул цветной головой Аксель. Ему очень хотелось отсюда выйти, не вызывая излишних вопросов. Поэтому он решил, что ему будет дешевле вместе сбежать, посмотреть на эту дверь, убедиться, что он не видит первый раз в жизни, а потом можно уже куда угодно.

– Я очень хочу увидеть эту квартиру, мне надо. – По щеке скатилась слеза, которую Ланка вытерла рукавом, шмыгнув носом⁹. Аксель поежился: он терпеть не мог ни своих ни чужих слез.

– Брелочек я последний раз видела еще в доме дяди. После смерти мы повесили его ключи на крючок и не трогали, а потом я в эту квартиру не заходила, – объяснила Ланка, вертя в руках лиса и размышляя вслух. – Откуда же он тут взялся? Не Лерка же приехал в Питер и перевесил брелочек на этот ключ? Рыжий ради меня такого делать точно бы не стал.

– Я ничего не понял. – притормозил Аксель поток её вопросов и размышлений вслух. Ланка посмотрела на него слегка стеклянным взглядом.

⁸ Как меня зовут по паспорту, она узнала лет в десять. Имена в нашем кругу звучали редко из-за специфики профессий. Борька, когда стал Палачом Контроля, решил называться Стиксом. Ланка тогда гордая ходила, у всех братья как братья, а у нее адская подземная река. – Лис.

⁹ Когда у ещё пятилетней Ланки спрашивали как у нее с семьёй, она говорила, что у нее три отца. Папа, который папа, папа, который дядя, и папа, который брат. Смерть Лиса она переживала тяжело, она где-то полгода после его смерти всех уверяла, что он жив и всех обманул. У меня при этом всегда было сложносочинённое выражение лица. Я-то знал, что в какой-то мере это правда, Лис жив, только в другой реальности, но мне приходилось говорить ей в глаза, что это ложь. Лерке с Борькой тоже. Брата я тогда видеть не хотел и пытался его вырвать из души с корнями. – Дед.

– Понимаешь, дядя умер, а брелок мог подкинуть только он или его приемный сын, но он бы не поехал, он домосед.

– Покойники брелоками не разбрасываются. – Аксель постарался сделать голос убедительным и ненароком не ляпнуть лишнее. Они были похожи, только у племянницы не было красных глаз и скверной привычки становиться туманом. Ещё вот так ляпнешь и в тюрьму посадит.

– Именно! А у тебя не так загадочно.

– У меня просто потеря памяти и ... – Аксель чуть было не признался в том, что дрожат поджилки и заново начала болеть голова, – просто не очень тут нравится. Никакой интриги.

Прозвучало зло и жалко.

– Ладно, тогда давай ты к своей двери, а я к дяде в квартиру? – примирительно предложила Лана, – и время сэкономим. Смысл же ругаться?

“Смысл?! Мне и так тут страшно, “ – хотелось взвыть Акселю, но он сдержался. Вместо этого махнул рукой, иди, мол. Я справлюсь. Он только проводил тоскливым взглядом хлопнувшую дверь подъезда. Ей было хорошо, а у него ощущение будто вытащили все кости. И что-то надо с этим делать.

Аксель никуда подниматься не хотел, он хотел повесить ключ обратно на крючок и выбежать на свежий воздух. И там стоять и жадно дышать. Его мутило и болела голова. Именно поэтому, на злости и противоречии, он поднялся на второй этаж. И кое-как подошёл к нужной двери. Возникло ощущение что чего-то не хватает. Тут всегда висела поделка-макраме. Он даже хотел вставить ключ, но не успел. Последнее, что он помнил, это стремительно приближающийся пол.

– Я где? – Аксель сел недоуменно озираясь. Двор. Его кто-то вытащил. Дверь подъезда закрыта и дурнота резко уходит. Девчонка какая-то трясет его за плечи – Ты кто?

Он рассматривал ее минут пять, напряжённо вспоминая и хмурясь, потом лицо просветлело.

– Лана! Мы по подъездам собирались ходить.

– Уже ходили.

– Да?

– И ты сознание потерял, на втором этаже...

– Не помню, – помотал головой Аксель, – помню как договаривались, как входили помню очень смутно, а дальше не помню...

– А про ключ? – Аксель отрицательно помотал головой, – С завитушками такой.

Она вытащила ключ из кармана, голову Акселя прострелило болью так, что он даже зажмурился от неожиданности.

– Убери. Закружи тему.

Аксель не хотел объясняться и, тем более, в этом копаться. Память молчала, он не помнил как поднялся и открывал дверь. Такой амнезии он за собой до этого момента не отслеживал. С остальной памятью дела обстояли тоже печально. Она была чистым листом ровно до того момента, когда он открыл глаза в лавке родителей. В историю своего чудесного спасения он не верил, тем более версии различались. Он одно время пытался это узнать: выспрашивал у родителей, ходил к магам, даже к Есю пришел, хотя туда ему соваться запрещали, достал всех на уже своей работе. Результатом были только нотации и ругань. Обидно, ещё и эта лезет. Раздражение вспыхнуло при одном взгляде на сосредоточенную мордашку девушки. Да ещё и она его видела в беспомощном состоянии.

– Ладно, мне пора, – у него хватило ума не устраивать скандал. Она же не виновата, – Меня на работе ждут.

- Ты не обиделся? – глаза наполнились слезами. Он не любил женских слез.
- За то, что ты меня явно тащила волоком? Нет. Просто...

Просто я с какой-то тайной за плечами, странными родителями, работой и живу в другой реальности. Просто мне нравится смотреть тебе в глаза и на твои реакции. Мне не хочется тебя расстраивать. Просто ты меня не напрягаешь. В основном не напрягаешь, когда не лезешь мне в душу. Все просто. И сложно. Наверно будет легче просто с ней больше не общаться .

Он ещё раз заверил Лану в том, что ему точно пора, он ничего не понимает, но точно не обижается, и ушел. Немного походило на торопливое бегство, но он уже решил, что они вряд ли увидятся. Какая разница, что она подумает? Все отлично. Он, может быть, больше вообще в этот карман не ходок.

Глава 6 Отец и дочь

Квартира была небольшой: кухня и комната в которую с трудом влезали железная кровать и шкаф. Двухкомфорочная плита на ножках, Ланка таких никогда не видела, старенький, но чистый стол. Это жилище будто сошло со старых фильмов. Лис тут действительно когда жил, Ланке это было очевидно. Это было ясно любому, кто когда-то заходил в дядину комнату.

Он так же заваливал все подушками, фотографии на стенках тоже были его и папины. Молодые ещё, в форме, Лис чинит какую то-то машину, бледный отец улыбается на камеру, но глаза не смеются. Они были непривычно грустные и серьезные. Машина и форма были времён Второй Мировой, она в учебнике картинки видела. Это музей? Реконструкторство? Нет? Им же не может быть по сто лет? Или в этом месте может быть все? Надо срочно позвонить отцу.

– Пап, я нашла странное место. Там в проходном дворе, помнишь, мы с тобой ещё через него угол срезали, дверь, которую никто из моих знакомых не видел, а в ней совершенно другой двор, не соседний, и подъезд. – Ланка набрала отца, даже не заметив, что гудки не идут. – И там точно жил Лис. Ты меня слышишь?

Она отняла телефон от уха, недоуменно его повертела в руках. Сети не было.

Ланка ещё долго бродила по квартире, осматривая закоулки, пока ей не пришла в голову мысль, что они с Акселем договаривались минут на пять сбежать и назад. Он, наверно, уже заждался. Акселя во дворе не оказалось. Поэтому Ланка сначала позлилась, а потом на всякий случай пошла его искать и даже, что характерно, нашла.

Он валялся без сознания около двери на втором этаже. Дверь была точно такая как он описывал, с барельефами и завитушками. Рядом лежал выроненный ключ и какие-то монетки.

– Упс, – совершенно по-детски отреагировала Ланка, машинально подбирая все с пола и засовывая в карман, и доверительно сообщила. – Меня Борька учил первой помощи, но я ничего не помню.

Она потрясла парня за плечи, безрезультатно. Похлопала по щекам и решила вытащить на улицу. Ну как получилось, так с лестницы и спустила.

Во дворе он быстро пришёл в себя, не сразу её вспомнил и вёл себя до крайности странно. Так, что Ланка сама ничего не поняла и была несказанно рада, когда он наконец-то ушёл.

А потом ей стало совершенно не до странностей нового знакомого, потому что на выходные неожиданно приехал Дед, в смысле родной и местами даже любимый отец. Ждал у ворот общаги, привалившись к косяку и засунув руки в карманы. Слегка даже помолодевший, хотя и несколько осунувшийся и похудевший.

Ланка разрывалась между желанием высказать, что она взрослая и не надо ее контролировать и радостью. В итоге победило последнее и она повисла у него на шее, болтая ногами.

– А то, что ты взрослая и самостоятельная ты мне потом скажешь? – проницательно уточнили ей на ухо. Она только крепче сжала руки. – Не отпирайся, ты тоже скучаешь, особенно по борькиным оладьям.

Не в бровь, а в глаз. Она смутилась, разжала руки и начала топтаться рядом. Дед дёрнул уголок рта. Они с дядей иногда очень похоже улыбались.

– А я привез. – Ланка не удержалась от восторженного визга и опять повисла на отцовской шее.

– Ишь, паинька-то наша даже не стесняется, – раздался голос одной из самых ярых ланкиных “доброжелательниц”. – Нравятся мужчины постарше?

– Ты дура?! – возмутилась Ланка, отцепясь от родителя, – Это мой папа! Я у него хоть на шее могу сидеть и ничего.

– На шее, пожалуй, уже не надо, – кротко попросил отец, роясь в кармане, а потом сворачивая свою очередную гадость и закуривая. Махорку она терпеть не могла. На девиц папа смотрел холодно-вежливо как на препарат под микроскопом. – Паспорт показать?

– Он таким старым не выглядит! – как-то жалобно выдала противница, Ланка засмеялась. Отец насмешливо фыркнул как большой кот, а ей внезапно подумалось, что он чем-то напоминает их главную общажную достопримечательность: таким же неопределенным возрастом и манерой держаться.

– Хорошо сохранился, – усмешливый сарказм превратился в мягкую иронию, – Пойдем.

– Ты на нашего вечного студента похож, – рассеянно заметила Ланка, бросая взгляд на одновременно смущенных и жутко возмущенных девиц. Дед поднял бровь.

– А это что за персонаж?

– Мой...наш...эээ...в общаге у нас живёт, – как назвать человека, у которого на любой вопрос есть сказка, присказка или прибаутка? Он ведёт ночами долгие философские беседы и тайком размешивает сахар в твоём остывшем чае. А на вопрос “мы же друзья?” не говорит ни да ни нет. Он выливает твой адский кофе и учит варить правильный, такой, от которого “глаза не вываливаются, но бодрит”. Ланка, как и все в компании, беззаветно в него влюблена, но ничего о нем не знает. Наконец, она отчаивается подобрать подходящее случаю слово, – Просто мой. А вечный потому что ему одновременно можно дать и тридцать и пятьдесят. Ну, и говорят, что это у него десятая вышка. Он не всегда живёт, просто появляется изредка, в основном вечерами.

– А имя у него есть? – отец бросил быстрый взгляд на двери общаги.¹⁰

– А я не знаю. В общаге говорят то ли Юрка, то ли Славка, то ли Савелий Игнатьич, – легко пожимает плечами Ланка. – А сам он просит называть его как удобнее. Или пафосно вещает, что имена всего лишь набор букв совершенно не отражающий характер.

– Солидный разброс. – Отец присвистывает, а Ланка вспоминает рассказы однокурсников про родителей и ждёт разноса за неподобающие знакомства, но папа переводит тему, рассказывая про попутчиков, машину в ремонте и “вот тот красный дом”.

Гуляли они вместе редко, но всегда интересно. Правда как поведать о всех странностях, новом знакомом с потерей памяти и месте, в котором останавливается время, она не представляла. Любой взрослый человек ей не поверит. Она ещё в самом начале попыталась поделиться со всей компанией, как наиболее вызывающими доверие, но не преуспела. Половина просто посмеялась, вечный студент, старательно пряча глаза, сдержанно похвалил фантазию¹¹.

Хорошо хоть он не обсмеял, он был очень тактичным человеком. Вечным студентом его кликала вся общага. В основном за внешность. При определенном освещении он иногда казался совсем молоденьким, лет семнадцать, не больше, а иногда Ланка ему дала бы лет сорок или даже пятьдесят. По его словам он поступал уже в третий или четвертый раз в разные ВУЗы, неизменно вылетая курсе эдак на втором-третьем. Хотя, может быть, даже не в четвертый, а в десятый, ты думаешь я свои ВУЗы считал?¹² В общаге про него ходило множество суеверий, например соседки искренне считали, что встретить его перед экзаменом к удаче.

¹⁰ По описанию и поведению было очень похоже, что этот-то уж точно из наших, негородских. Можно даже не зуб отдать, а всю челюсть. Нижнюю. – Дед.

¹¹ Если честно, я тогда прилично удивился. На первых стадиях сложно понимать Негород это или шизофрения. Они очень на друг друга похожи, перепутать раз плюнуть. Терминов Ланка не назвала, поэтому пришлось срочно хвалить фантазию, надеясь, что потом пойму. А то сам не знал Цыгана набирать или скорую помощь. – Себ Шнайдер.

¹² Разумеется, считал. Около двадцати и это только те, что я закончил. Справедливости ради могу сказать что за всю мою жизнь их не так и много набралось. В некоторые я поступал из-за профессии и по собственному желанию, а в некоторые, потому что так говорил Негород в моей голове. – Себ Шнайдер.

Глава 7 Лис и Дед

Ланка и не рассказывала ничего. Шла и помалкивала, слушая рассказы отца. Он же тут родился и вырос. Интересно же, каким он помнит город?

– Вон мой дом, а вот окна, – отец указал на соседний с ее убежищем дом. Она и не заметила, как они туда дошли. Он ностальгически вздохнул.

– Эх, тогда ещё дровами топили...

– Врешь, – уверенно уличила родного отца Ланка, ткнув ему пальцем в грудь, – ты не настолько старый. Вон, смотри, эти дурищи даже не поверили.

Она критично ещё раз посмотрела на Деда и произвела в уме нехитрые расчеты.

“Ему точно должно быть где-то под шестьдесят но уж точно не восемьдесят, – думала Ланка, – мне же почти двадцать, а Борьке вообще аж за тридцать, хотя и выглядит моим ровесником.”

– Может быть и вру, – папа покачал головой и неожиданно спросил, – Фотографии-то все посмотрела? Братец их, помнится, сентиментально развешивал по стенкам.

– Ты не можешь об этом знать, – возмутилась Ланка, в глазах отца так и читалось “конечно, я же глупый взрослый”, что он о возмущения топнула ногой и уперла руки в боки. Но следующая фраза ее обезоружила.

– Так ты же мне сама звонила и говорила про дом, в котором жил Лис. – он поднял бровь, явно посмеиваясь, – Не припоминаешь?

– Ты слышал? Как?

– По телефону.

– Звонок не прошел! – Ланка как в детстве подпрыгнула от избытка чувств, – Сети не было.

– А как я тогда мог услышать твой голос? – ещё минут пять отец невинно улыбался и разыгрывал простачка, потом потрепал ее по голове, – Терпение, скоро все сама поймёшь.

Ворота он точно видел, ещё и ткнул пальцем в какой-то рисунок и гордо сказал, что это его авторства.

– А это вот. – Его палец упёрся в страшную рожу, – была свастика, но мы, ударенные войной дети, ее старательно замалевывали.

Он бы ещё долго так стоял, рассказывая про каждый рисунок, но из двора послышался знакомый Ланке голос. У них с отцом были одинаковые голоса, но они с Борькой умели отличать их друг от друга.

– Вы чего там застряли? Я так состарюсь вас ждать.

– Лиис!!! – от ее восторга отец отшатнулся и поковырял пальцем в ухе. Лис широко улыбнулся и шагнул навстречу, – Это точно ты?

– Я тебе кажусь, – смеётся он так же как и прежде, запрокидывая голову и шурясь на солнце. Она поискала глазами Акселя. К сожалению на крыше никого не сидело.

Дядя был живой и теплый. И обнимал точно как в детстве. Правда когда она пятый раз начала его ощупывать, то растворился прохладным туманом и внезапно оказался стоящим неподалеку. Она обернулась к улыбающемуся и покусывающему костяшку пальца отцу. – Ты знал!!

– Конечно, мы это все и подстроили, – вместо отца ответил дядя. Он немного изменился, раньше красных искорок в глазах у него точно не было, – Дед, хорош ржать, а ты, племяшка, ключ верни. Это был эксперимент.

– Ты умер, – обвинила его Ланка, послушно протягивая требуемое. – А я знала, что ты всех обманул и живой.

– Да. И нет, – глаза Лиса ещё раз сверкнули красным. – Для твоей реальности, да. Без обмана. Для этой нет.

– Моей? – она решила блеснуть знаниями, – Это той, которая не Негород?

– Аксель, паршивец, успел порассказать, – Лис досадливо цокнул языком, брелок с ключами перекочевал из ее рук в его карман. – Спасибо, я тут все же иногда бываю.

– И этот человек говорит, что не любит Ленинград, – покачал головой Дед. Даже сейчас они казались Ланке одним целым, зачем-то разделённым на двух людей.

– Так в Ленинграде-городе о пяти углов меня фактически и нет, – вокруг дяди спиралью начали закручиваться небольшие черные вихорьки, – я уже почти забыл, представляешь?

– Кого? – влезла Ланка, – А Акселя ты тоже знаешь?

– Он личность известная и неоднозначная. – Лис неопределенно пожал плечами, ответив только на второй вопрос. – Но как официант, право, отвратительный.

– Почему? А реальностей много?

– Двух хватает! – Лис картинно приложил руку к сердцу, братья переглянулись и начали рассказывать. – И да, по кочану и кочерыжке.

Сложно узнавать о своей семье шокирующие подробности. Оказывается, папе почти совсем век, на который он не выглядит. Дядя теперь какая-то неведомая науке тварь. Владыка Теней. Это то ли титул, то ли раса Ланка так и не поняла. Егор тоже не умер и именно про него говорил Аксель. Правда он уже успешно женат. Гад. Сам Аксель работает в кафе, в которое любит заходить Лис. И даже вредный Лерка тоже что-то там занятное видит. И сбегал тогда он, как выяснилось в этот самый карман проверить не наврал ли ему Лис. Друг семьи Пестун тоже не совсем друг и уж совсем не обычный человек. Стало завидно. Даже найдёныш Пашка, которого они чуть не сбили на прошлым летом, на самом деле то ли из будущего, то ли из прошлого. Пашку она видела мельком, когда приезжала на каникулы, и альбинос немного пугал. Он дружил с Леркой и хвостом ходил за отцом, тем не менее споря с ним по поводу и без повода.

– А Борька тоже? – жалобно спросила она о своей надежде и опоре.

– Тоже. – припечатал отец. – Тихушник.

– Я запретил, – сухо отметил Лис, отец улыбнулся уголком губ. Понял. Ланку всегда поражали их безмолвные диалоги. Одними взглядами и жестами.

– Тебе снится Негород, Лерка видит вероятности, хотя не знаю, что это такое, а я?

– А ты умеешь говорить так, чтобы тебя слышал тот, кто тебе нужен и на любом расстоянии. – Ланка просияла, так же можно подсказывать и преподы не поймут, но ее тут же разочаровали. – В реальном мире использовать крайне не рекомендуется.

– А подстроили вы...

– Проще простого. Я тебя тут увидел и мы подкинули сюда ту вещь, которая тебя точно заинтересует.

– Ты силуэт?

– Я туман, силуэт это Аксель. – с достоинством ответил Лис. – И свет в окнах это тоже был я. И Дед, у него тут очередная командировка и совещание.

Глава 8 Прошлое и будущее

Жизнь не то, чтобы налаживалась, скорее становилась понятной. Папа сводил в какую-то контору, где милая девушка Вера ещё раз рассказала про Негород предложила работу. Ланка вопросительно посмотрела на Деда. Это отличалось от того, что рассказывали взрослые и работающие друзья.

– Вот так без собеседования? Это что за контора такая?

– Любому пограничнику предлагается на выбор или работать у нас или встать на учёт, это нормальная схема, – успокоил отец, Ланка вздохнула, но подозревать временно прекратила.

– Ты тут тоже работаешь?

– Смежное подразделение. Не смотри на меня, я не буду тебя ни отговаривать ни уговаривать, решай сама.

Ланка подумала и не стала отказываться от подобных щедрых предложений. Удивительно, но с появлением в жизни Негорода половина проблем решилась сама собой при оформлении на работу и заодно в ученичество.

– Мне положена корпоративная квартира? – Ланка недоверчиво смотрела на почти действующее начальство и наставника (Радомир Мстиславович, но можно просто Рад, не ломай язык) – Это...

Она наткнулась на грозный взгляд отца и торопливо поправилась.

– Обман, да? – родитель закатил глаза, начальство невоспитанно заржало.

– Дед, почему у тебя настолько недоверчивые дети? – отец пожал плечами, а Ланка не понималась.

– А где подвох?

– А подвох, Ланочка в том, что соседняя еще с семидесятых закреплена за мной. И я буду периодически любоваться тем, во что ты превращаешь свою. Хорошо, что редко.

– Ты не говорил...

– А когда? Во время пылкого монолога про самостоятельную жизнь и про то как ты мечтаешь жить в общежитии? – развеселился отец. – Мечты надо исполнять.

– Могли бы в поездках ночевать не в гостиницах, – вздернула нос Лана.

– Тогда бы тебя из Питера не выгнать было бы, пришлось переезжать. – Ланка фыркала как рассерженный еж на все подтрунивания. Но отец в какой-то момент стал серьезным. – Борька Ниен не любит и туда не ногой, а я не хотел отвлекаться, собирая детей по городу.¹³

– Дед, может хватит свои семейные проблемы у меня в кабинете решать? – не дал закидать отца вопросами Радомир Мстиславович, – Подписали? Вот держи телефон, держи свой жетон и мониторь чат. Туда периодически будут приходить инструкции, задания, расписание и прочие исключительно бесполезные с точки зрения сотрудника вещи. Свободны. Да, научи ее пользоваться жетоном хотя бы в первом приближении.

– Невежливое нынче Дорогое Мироздание. – Отец встал со стула, укоризненно посмотрел на Радомира, – К дождю?

– Денис!! Ты и твоя шайка мне ещё с шестидесятых надоели со своими приколами! Кыш отсюда! – Отец явно привычным движением увернулся от полетевшей ему в спину папки и невозмутимо поправил.

¹³ Отличительная особенность негородских корпоративных квартир это то, что они находятся вблизи таких карманов, в которые любой пограничник в здравом уме и за свои деньги не полезет. В Петербурге Мироздание любезно селит в центр или поближе к древнему городу Ниену. Москвичам же чаще всего достается Малая Бронная. Я в Москве жил в доме, где обосновались призраки всего опричного войска во главе с Малютой Скуратовым. – Себ Шнайдер.

– Не шайка, а команда Бойцов, не приколы, а, как модно сейчас говорить, креативные решения. А будешь возмущаться, то назначу Тополя командиром по области и будет он тоже на планёрки ходить. Пойдем.

Вслед им неся мат.

– А Тополь это кто? – Из кабинета они выскакивали очень быстро под недоуменный взгляд Веры и сдавленный хохот отца.

– Очередная местная звезда, – отец произнес слово “звезда” с непередаваемой интонацией. Лично не знаком, но наслышан прилично. – Вечно Ленинграду везёт на всяких нестандартных личностей.

В общагу собирать вещи она шла как на заклятие. Ей казалось, что она этим переездом разом предаёт всех. Промоталась она с этим делами и оформлением до вечера, поэтому пришлось остаться ночевать, да и еду надо было доестъ или хотя бы раздать.

– Уходишь? – полуутвердительно-полувопросительно произнес вечный студент, не успела она зайти на кухню. Там против обыкновения было тихо, что Ланку очень порадовало. Она не хотела ни с кем сталкиваться, что-то кому-то пояснять и смотреть им в глаза. Она скажет как-нибудь потом. Они же иногда виделись в институте. Только сейчас до нее дошло, что может больше не быть этих философских бесед и музыкальных посиделок на кухне. Тех самых, когда они играли кто на ложках, кто на гитаре, а кто и на барабане. И настойчивых соседских просьб прекратить безобразие тоже больше не будет.

– Откуда ты знаешь?

Молчание. Он помешивал свое очередное безумно-острое варево и Ланка точно знала, что грустно улыбается. Даже спина у него была грустная. Через вечность тихий ответ.

– Ты пахнешь по-другому. Переменами и беспокойством, – Ланка, конечно, не поверила, на кухне если чем и пахло, то травами от его похлёбки. А он невозмутимо продолжал, – ты сюда заходишь не так, как обычно, это чувствуется, кстати, а куда?

Мысли заматались как вспугнутые зверьки, про Негород говорить нельзя, она даже бумагу о неразглашении подписывала. Да и в первый раз ей никто не поверил и он в первую очередь. Вот и рассказывай такому сказочные тайны.

– Подработку нашла с жильем, – этот ответ походил на правду больше всего.

– Понятно. – Как в одно маленькое слово можно вложить столько много смыслов? И радость за нее и немного сомнений, и много грусти. И даже обещание, что он непременно будет скучать..

Она собиралась уже огрызнуться и нахамить в ответ, но вырвалось совершенно другое.

– Я ненавижу прощаться! – из глаз брызнули слезы, – Я хотела тихо уйти...

– Ты не находишь, что это несколько малодушно и подло по отношению к компании? – Он плавным движением повернулся к ней, склонил голову, заглядывая в глаза. У него был очень мудрый взгляд. Как у питона Каа из мультика.

– Это легче, – она опустила глаза, – Я же не вернусь...

– Ты рассматриваешь переезд как окончательный уход из компании? – Он уселся на табуретку, нагло закинув ноги на стол и подвинув чужую грязную посуду. Кивнул головой на окно. Как всегда во время ночных философских бдений. Вареву от которого поднимался пар, он ел прямо из кастрюли ложкой, почему-то не обжигаясь.

– А надо как? – Она послушно уселась, сложив руки на колени.

Ланку он, можно сказать, выделял. По крайней мере с ее соседками в беседах замечен не был. Это они вечно попадались ему на дороге.

– Как переход на другой уровень. Не обязательно сжигать мосты. – Последовал ответ, – Или, ты, например, не пригласишь меня в гости?

– Пригласить... – растерялась Ланка, – но я не могу.

– Это из-за работы? – взгляд моментально потяжелел на пару килограммов и похолодел градусов на двадцать.

– Нет, просто когда я жила с папой и братом в гостей было водить как-то не принято, точнее просто так сложилось. – призналась Ланка. Многие из ее подружек боялись их дружелюбнейшей собаки. Брат выглядел на четырнадцать и никто не хотел это объяснять посторонним людям. Отец приходил поздно и все его жалели. Нет, у них иногда жили люди, родственники, борькина жена, когда ещё не была никакой женой, но это было скорее исключение. Гости они звали редко и Ланка искренне считала, что и ей нельзя. В ответ рассмеялись с облегчением.

– Я уж подумал, что ты попала куда-то не туда, а это просто тараканы. Это твое жилье, и ты решаешь кого приглашать, а кого нет. Ты, а не папа, я или брат. Продолжаем. Может быть, ты забудешь дорогу в общагу?

– Забудешь ее, как же. – проворчала Ланка.

– Переехав, ты не перестанешь быть нам всем другом, – он протянул ей кастрюлю с недооблизанной ложкой, – Хочешь? Нет? Мне больше достанется. Больше скажу, скорее всего после того как ты их пригласишь раз, все переместятся к тебе в квартиру.

– У меня отец живёт этажом ниже. – тихий смех в ответ почему-то согревал.

– Мы и его напоим и в карты играть научим. А ещё наш штатный поэт обязательно будет читать стихи, не говори ему, но на мой вкус не самые лучшие.

У Ланки наконец получилось высказать мешающее и царапающее.

– Я боюсь, что все будут желать хорошего, а на самом деле думать, чтобы я побыстрее свалила. Не люблю торжественных проводов. И праздников тоже не люблю.

– Если тебе будет легче, я им передам и просьбу навестить тоже. – Обещание. Он улыбался так, будто лично разогнал всех по комнатам, чтобы говорить не мешали, – Когда сжигаешь мосты, подумай, а желают ли того сами мосты?

– Спасибо, – от полноты чувств она чмокнула его в щеку. – Ты настоящий друг.

Глава 9 Реальность и чудеса

Он задумчиво коснулся кончиками пальцев места поцелуя, неопределенно повертел рукой, немного мечтательно и отсутствующе улыбнулся.

– А хочешь немного чудес напоследок? – Этого добра ей хватало за последнюю неделю, но и отказаться она не могла.

– Каких? – она всегда была любопытна как кошка. Вдруг Лис умолчал и есть какая-то третья реальность, которую ей сейчас покажут.¹⁴

– Увидишь, не все сразу. Чудеса любят тишину и не любят торопливых. – Он распахнул окно, легко вскочил на подоконник и протянул ей руку. – Полетели?

– Я.. – Воображение нарисовало красочную лепешку внизу, – С четвертого этажа не пойду.

– Ты мне веришь? – Требовательность в голосе, – Я тебя когда-нибудь обманывал? Главное, держи меня за руку и закрой глаза.

Она зажмурилась, судорожно вцепилась в чужую рубашку и сделала шаг вперед для того, чтобы обнаружить себя стоящей на твердой земле за воротами общаги.¹⁵

– Я же говорил, сегодня необычное по расписанию. – Вечный студент качал головой и аккуратно отцеплял от своего рукава ее крепко сжатые пальцы.

Они долго гуляли по ночному городу. Небо, казалось, сейчас прольётся на них этой своей синевой и засыплет плечи звездами. Сидели на пристани на Неве, смотрели на разведённые мосты. Пили где-то купленное по дороге вино, хмелея просто от воздуха. Смеялись невпопад и много, захлёб, разговаривали. Про то, что надо это все как то объяснять на вахте Ланка вспомнила к утру.

– А обратно мы как попадем? – испуганно спросила она. Предчувствие проблем и скандала сжало горло стальной хваткой. Она предпочитала действовать исподтишка, избегая прямых столкновений.

– По крышам конечно. – Ее спутник был, наоборот, все так же беспечен и весел, как будто для него это дело привычное, – Не бойся, вот сюда, держи меня за руку.

Ланка и сама не поняла, как обнаружила себя все той же кухне, причем, не сильно осознавая, как именно она сюда попала. У нее мелькнула мысль спросить в лоб про Негород, но она отогнала ее как глупую и неуместную. Пора было прощаться.

– Погоди, – вечный студент порылся в кармане, вытащил бумажку и огрызок карандаша, записал на ней пару адресов, – Держи, если захочешь меня увидеть, приходи. Спросишь Тополя.

– Кого? – она не далее как сегодня слышала это прозвище. Она не знала, чего ей хочется больше. Чтобы этот Тополь оказался тем самым или чтобы ее тайна была только ее, без друзей и товарищей. Отцу, так уж и быть, можно.

– Меня так иногда называют, – он оказался рядом, прикоснулся губами к ее уху и заговорчески прошептал, – Ну когда не Юрка, Славка и что вы там ещё придумали?

От него пахло свежескошенной травой и древесными почками. И Ланка моментально забыла о том, что хотела ему устроить допрос с пристрастием. Да и мало в большом городе Тополей?

¹⁴ Третью не покажут. Первых двух нам более чем достаточно. Расходимся. – Лис.

¹⁵ Это были, конечно, обычные негородские тропы. Мало кто знает (а кто знает, тот не всегда афиширует), но карманы, тропы и пробои необязательно находятся на земле. Они где хотят, там и находятся. – Себ Шнайдер.

– Это... – она недоуменно повертела в руках смятый тетрадный листок. Он видел и знал гораздо лучшие времена.

– Один хипповский флэт, второй мой личный, правда маленький и коммунальный, рай, – признался Тополь.

– А зачем? – она обвела рукой кухню. Ей всегда казалось, что общага это для тех, у кого нет своего жилья в городе. Здесь романтично и интересно, но все же.

– Здесь я нужнее.¹⁶ Иди поспи хотя бы часик. После сессии увидимся, не волнуйся, телефоны же есть, – Ланка запоздало вспомнила, что телефонами они когда-то обменивались по какому-то общажному вопросу. Она уже раскрыла рот спросить, почему после, как он привлек ее к себе и поцеловал в лоб, – У тебя времени не будет, но если вдруг появится, то приходи или звони.

Через пару дней Ланка прекрасно поняла брата. Через негородской карман с древним городом было бегать шумно, долго, местами небезопасно, а в окно могло залететь копьё. Отец флегматично оттаскивал прилетевшее в кладовку к таким же трофеям и объяснял про смещение времён в Негороде и законсервировавшихся в своем соку древних дураков.

– А что с ними потом делать? – она покосилась на стройный ряд копий и одну пику. Прилетали они бесплотными и вреда обстановке не причиняли, но когда их брали в руки, вот тут-то они и обретали плотность. Отец объяснил, что все, если уж пограничники признали реальность этих копий, то миру ничего не остаётся как последовать их примеру, – Мы же можем не обращать на них внимания, и они исчезнут?

– Верно, можем, более того когда увидим, что оно попало в какого-нибудь гостя, то и будем. Но эти я в музей сдаю.

– И вопросов ни у кого не возникает, откуда у дяденьки охапка копий? – недоверчиво спросила Ланка, отец хитро ухмыльнулся и вытащил свой жетон.

– Раскручиваешь на два оборота, носишь напоказ и куча копий не вызывает вопросов.¹⁷

– Так это не про-осто жетон, – Радомир говорил про “научить пользоваться”, но Ланка не сильно придавала этому значение.

– Конечно. Отвлечение внимания как минимум, а ещё... – Дед покачал жетоном и крутанул его уже три раза, тот как-то лениво мигнул теплым жёлтым цветом, – так он подсвечивает карманы и тропы. – Отключить просто, накрываешь рукой или убираешь под майку. Рад ещё раз потом покажет.

– А зачем это нужно? – Ланка недоверчиво нащупала в кармане свой, погладила большим пальцем: жетон не отреагировал.

– Пока не выучишь, то лучше понимать куда ты идёшь¹⁸. Попадешь так на тропу и пройдёшь два часа вместо пяти минут. Что-то мы забыли. – Он внимательно посмотрел на Ланку, – Представиться забыли. Возьми жетон.

Жетон как жетон, обычная металлическая бляшка с выгравированным колесом. Приятно холодит кожу.

– А дальше? – Ланка раскачивала его перед глазами под не очень одобрительными отцовским взглядом.

¹⁶ Негород в моей голове всегда мне любезно подскажет, в каком своем обиталище я совершенно необходим. – Себ Шнайдер.

¹⁷ Это отличается от того как прячет, например, Ласька. Жетон глушит людское внимание, дяденьку с кучей копий они видят, но вот странного в этом дяденьке видеть прекращают. Боец Лась же прячет так, что можно стоять с человеком нос к носу и его не заметить. Психика сама придумает, что она видит на его месте. – Себ Шнайдер.

¹⁸ Первые месяцев пять пограничники видят смешение реальностей и получают мешанину вместо города. Потом учатся разделять город в реальности и город с Негородом. После пятидесяти лет пограничником люди уже даже не задумываются, как они это делают. – из лекций Лиса

– Наматываешь на руку цепочку, чтобы ничего не висело и не болталось и мысленно рассказываешь ему о себе. В кулаке сожми.

– Ай! – Края оказались неожиданно острыми. Но отшвырнуть жетон отец не дал, наоборот крепче сжал ее руку, – Он светится.

– Ты связываешь жетон с собой, кровь самое лёгкое. Переверни. – Ланка заворуженно смотрела как на жетоне появляется ее имя и фамилия, год рождения, будто кто-то включил невидимый гравер и выводит эти буквы, только жужжания не слышно, а на выгравированном на обороте колесе загорается одинокий зелёный огонек.

– Огонек это ранг, чем больше огоньков, тем выше должность. – деловито поясняет отец, – надевай на шею под одежду.

– А у тебя такой же?

– Не совсем, – Он показал свой. Обычная металлическая штучка, совершенно такая же, только со мечом и щитом. – чтобы разбудить щелкаешь ногтем и даёшь мысленный приказ что-то вроде “покажись”.

Жетон послушно засветился жёлтым.

– Эй, у нас же по паспорту одинаковые фамилии!

– Ну мало ли, что там по паспорту. На заборе тоже написано. – Он полюбовался на возмущенное лицо и объяснил, – Чаще всего используется ФИО, данное по рождении, чтобы не запутаться.¹⁹

¹⁹ А в среднем каждый негородской за всю жизнь меняет от пяти паспортов, а особенно одаренные иногда имеют два паспорта с разным гражданством. Например, у Себа Шнайдера на руках есть русский паспорт, где он Юрий и 1980 года рождения и немецкий, где он Эрик 1961 года рождения. – Лис.

Глава 10 Помню и не помню

Первый приступ у Акселя случился на следующее же утро после похода в подъезд. Он проснулся от чьего-то вопля, открыл один глаз. Его тормошила какая то странная тетка с желтыми глазами.

– Работу проспишь! Аксель!

– Какую работу? – он огляделся, все было мало того что незнакомым, так ещё и вертелось. Аксель это, по-видимому, он. Имя тоже не вызывало никаких эмоций. Было только ощущение, что его звали по-другому, но тоже на А. – А вы кто?

Женщина всплеснула руками и умчалась, крича про какие-то “ твои несчастные блоки” и “что ты сделал с ребенком, паразит?!”

Через минут десять комната прекратила кружиться, а Аксель вспомнил, что это была мама, а самое главное, где тут кухня и можно поесть. Отец взволнованно над ним покружился, что-то прострекотал, сделал какие то пассы и память потихонечку стала возвращаться. Дорогу до работы он по крайней мере вспомнил, а заодно и то, что он сегодня в вечернюю смену и можно было спать дальше. Пару дней было всё хорошо, но с утра он опять открыл глаза и ничего не помнил. Пришел отец, помахал перед глазами ладонью и память стала возвращаться. Проблем становилось только больше с каждым днём.

Аксель начал панически бояться засыпать. Он мог проснуться опять ничего не помня об этом мире и себе, а мог и нормальный. Отчего это зависело парень не понимал. Чаще всего его уже просто вырубало от крайней усталость после двух-трёх суток без сна. На работе пытались помочь, но как-то безуспешно. Поили горькими травами, от которых сводило губы и язык. Колдовали. Раз вызвали Еську, которая сказала, что она эмпат, а не менталист. Лис пару раз заходил в кафе, сверкнул глазами, тень его обвила акселевы запястья и быстро вернулась к хозяину, который слегка виновато покачал головой и выругался себе под нос.

Отец разводил руками. Прости, малыш, все вышло из-под контроля. Вспоминать себя с каждым днём становилось все труднее и труднее. По ночам родители ругались, думая что он не слышит. Мать обвиняла отца, отец в ответ шипел, что это ей детей хотелось он бы жил без малолетних нахлебников. В карман он больше не ходил, боялся. А вдруг так зайдешь и дорогу обратно не вспомнишь?

Иногда в моменты просветления вспоминалась Ланка. Забавная она была. Красивая. Вечно до чего-то хотела докопаться и всем помочь. Аксель улыбался ей и думал, что надо преодолеть страх и зайти в карман, повидаться. И тут же забывал об этом. Откладывал, отодвигал. А потом он слышал ее голос.

“Аксель, я не знаю , сработает или нет, но вдруг ты меня слышишь? Приходи, я совершенно не обижаюсь и скучаю”.

С ее голосом память возвращалась лучше. Она будто бы цеплялась за само звучание этого голоса, как утопающий за протянутую ему руку. Голос это же просто звук? Он отдается в голове эхом и набатом. Приходи. Приходи. Приходи.

До кармана Аксель дошел даже не по памяти, а скорее по наитию. Только Ланки там не оказалось.

– Зачем ты меня зовешь, а сама не приходишь? – Аксель в изнеможении упал на лавку. В кармане было находиться очень тяжело. Муторно. Он понимал, что скорее всего Ланка просто сейчас где-то в реальности и обязательно сюда придет. Правда её ещё надо было дожидаться. А в его состоянии это проблематично. Становилось всё хуже и хуже.

Теперь каждое утро он просыпался и начинал день с нового листа. Теперь уже каждый. Родители разводили крыльями, руками и лапами. Отец, непрестанно извиняясь сообщил, что это он виноват. Понимаешь, мальчик, мы так за тебя боялись. Я когда-то давно поставил на тебя охранное заклинание. Наше фейское. И вот почему-то оно стало работать не так. Оно тебя защищает, мы не со зла. Аксель был против защиты именно такими методами.

В конце концов пришлось написать себе записки, в которых он рассказывал как его зовут, где он работает, где живёт и прочее самое важное и рассовать их повсюду. Они мало чем помогали. Хотя каждый вечер он писал себе, что произошло за день. На всякий случай.

Единственное что он хорошо помнил это Ланины сообщения. Поэтому он сидел и ждал. Ему казалось, что целую вечность.

Трудно сказать в какой момент он решил пойти и поискать ее в реальности. Если в карман она приходит часто, то живёт где-то недалеко и он ее обязательно найдет. Он в этом был железно уверен. На задворках сознания Аксель помнил как она выглядит. Ну в крайнем случае она его точно узнаёт.

– У меня всё равно нет выхода, – сообщил воротам Аксель. Ворота молчали. Не протестовали и уже хорошо. По пятам тоже никто не гнался. – Я боюсь. Но мне тут не могут помочь.

Он зажмурился и сделал шаг вперёд.

Глава 11 Загадки и отгадки

Работа оказалась совсем не сложной и прекрасно совмещалась с учебой, разве только в выходные приходилось ходить к Радомиру и усиленно учиться обращаться с жетоном, Негородом и даром. Учитель из него вышел хотя и требовательный, но не строгий и умеющий рассказывать много интересного, так что они зачастую засиживались допоздна. Отец уехал через неделю, напоследок намекнув, что если она хочет встречаться как минимум с родным дядей, то неплохо бы заходить в карман. Как ты там его называешь? Убежище? Вот туда. Кстати, случайно так вышло, что Лис там сегодня как раз сидит.

– Привет, ребенок, – Лис поднял глаза от книги, скользнул взглядом по жетону, тот весело блеснул зелёным, – Пора объявлять себя кузницей кадров и брать за это у Мироздания деньги. Озолочусь.

– Кого ещё наковал? – Ланка порадовалась, что она уже знала весь жаргон.²⁰

– Так Валерия же. – Ланка отвернулась и еле заметно поморщилась. Лис сделал вид, что не заметил. – Будешь себе тут квартиру выбирать? Это необязательно, но можно, если хочешь.

Ланка хотела. Пусть будет, по крайней мере отдохнуть от древнего города под окном, это иногда бывает не лишним. А ещё можно воображать себя богатой дамой и домовладелицей. Тополь был прав, своя квартира это совсем не то, что комната в родительской и уж тем более ее не сравнить с кроватью в общежитии.

В подъезде Лис недоуменно поднял брови и щёлкнул ногтем по тому гвоздику, на котором висел акселев ключ.

– Не думал, что я увижу его пустым...

– Ключ у меня, – Ланка торопливо порылась в карманах, радуясь, что не сменила куртку.

– Его Аксель выронил, а я подобрала и забыла повесить, – А...

– Я не буду спрашивать, почему его Аксель ронял, но эту квартиру выбрать нельзя, – непривычно сухо ответил Лис, – и ключ тоже лучше не трогать. Повесь на место и забудь. Хорошо?

– Почему? – Дядя помолчал, сверкнул красным огоньком в глазах, но потом не очень охотно ответил.

– Это квартира Уродки. самого очаровательного в мире пограничника. Когда она танцевала весь двор собирался. – Лис грустно улыбнулся. – Тогда ещё много сюда народу приходило и наших, и ваших. Весело было.

– А почему тогда уродка?

– Полячка она была, Лан, родители сюда эмигрировали ещё до ее рождения. Ирка. Ираида. По-польски уродка – красота. По крайней мере она так говорила. Танцевщица. На ее спектакли, в любой ее жизни билеты раскупались моментально.

– И сейчас тоже?

– Сейчас нет. Внук у нее пропал. Единственный. Она своих все время в Негород таскала, надеясь, что хоть кто-то из них, пограничником станет, а оно вот как обернулось. Вот здесь и пропал, так и не нашли.

– Умер?

– Не знаю. – Лис покачал головой, – Понимаешь с детьми сложно, они реальности воспринимают неотделимо от друг друга. Мог умереть, мог уйти в Негород, мог как-то выйти из

²⁰ Устойчивое прозвище тем не менее есть только у СУОБМ. Но достаточно часто используется цветовая дифференциация. Жёлтые – Бойцы, красные – Целители, синие – Контролёры (они же просто менты по старой памяти), белые – Временщики и зелёные, соответственно, СУОБМ. – из лекций Лиса

кармана и потеряться в городе, хотя вот это вряд ли. Время такое было. Ирка наша постарела мигом лет на пятьдесят. Там ещё и с родителями мальчика не все гладко вышло. Ладно, пустое это уже...

Дядя помрачнел, погрузнел прямо на глазах и всё время отворачивался. Разговор не клеился, правда ее проводили до выбранной квартиры, пожелали поскорее обжиться и даже помогли переставить мебель. А потом у него завибрировал и засветился синим жетон и он растворился туманом, напоследок заявив, что работа не ждёт и ничего без него сделать не могут. Контроль ещё называется.

Разумеется дядю она послушалась на следующий же день.

– Я буду тихонько и ничего не поврежу, – как человеку пообещала она квартире, отпирая дверь, – Я наверное лезу не свое дело, но я просто люблю детективы и не могу удержаться.

На нее с чёрно-белой фотографии, смотрел десятилетний, но вполне узнаваемый Аксель. Она огляделась. Уродка действительно была балериной и потрясающей красавицей. Снимки с выступлений, награды, в одной из комнат ее портрет во всю стенку, в другой балетный станок. На подушку небрежно брошена толстая тетрадь в кожаном переплете.

– Извините... – было ощущение, что она грязными руками трогает святыню. Что-то такое нежное, хрупкое и важное. Ланка зажмурилась и открыла дневник.

“Первый раз взяла трехлетнего Сашеньку с собой. Все умилялись его воспитанностью и милой, необыкновенной красотой. Заехавший случайно Ян Карлович одобрительно сказал, что мальчик абсолютно здоров” .

Шорох страниц.

“Танцевала здесь свою вариацию из “Баядерки”. Громче всех аплодировал, разумеется, Сашенька. Мы прививаем ему вкус. Он очень музыкален. “

Красивый ровный почерк. У Ланки такого и не было никогда.

“Сашенька пошел в первый класс. Устроили праздничный вечер. Как прискорбно, что скоро он неизбежно перестанет видеть Негород. Только бы все удалось. “

“Сашенька повадился убегать из кармана в сам Негород. Мягко журим и объясняем, что это опасно...”

Ещё пара страниц. Чернила расплываются от капающих слез.

“Сашеньку не нашли. Теперь тут будет танцевать только пыль”.

Больше записей нет. Ланка аккуратно кладет дневник на место и выходит, тщательно закрыв за собой дверь.

“Аксель, я, кажется, поняла кто ты такой. Тебе же это интересно? Приходи, я расскажу. Все будет хорошо. “

Глава 12 Негород и реальность

В большом городе ему и в этот раз не понравилось, ощущение было как будто его запихнули в каменный мешок и конца-края этому не видно. Хорошо, что в его части Негорода машины иногда попадались, хотя кареты были чаще, и правила движения было легко запомнить. Просто делай так, как все люди.

Через два часа блужданий по площади, он уже забыл про Ланку, а просто увидел деревья и помчался к ним. Вбежал в парк, распугав стаю голубей у входа, сел на скамеечку под деревом и закрыл глаза. Очень хотелось есть, но зато прошла голова. Сколько времени он не ел и не спал, он уже даже не считал. Не хотелось.²¹

– Ваши документы, молодой человек. – его потрясли за плечо.

– Мои... что?

– Документы, – Аксель сфокусировал взгляд на подошедшем. Кажется, местный Контролёр, но Аксель упорно не понимал, что от него хотят. Он ещё минут пять тарасился на патрульного, пока он уже раздражённо не пояснил. – Паспорт покажи...

– Па...что? Запись в домовоей книге? – нахмурился Аксель. – У меня с собой нет, господин Контролёр.

Недоумение испытывали обе стороны. Аксель не понимал, что от него хочет странный Контролёр, полицейский не понимал, почему на вид юноша трезв и не обдолбан, а несёт какую-то ахинею. От неожиданности он сказал первое, что пришло в голову.

– В автобусе у тебя контролёры. Пил?

– Нет, и не ел, – честно ответил Аксель. Ему очень хотелось, чтобы Контроль от него отвызался. Даже больше, чем найти Ланку, – я просто сижу и плохого не делаю.

– Пойдем-пойдем, покажемся кое-кому. Где-то я слышал про этот ваш Контроль.

Его запихнули сначала в машину, а потом в клетку. Аксель сел прямо на пол и уставился вперед невидящим взглядом. Что-то он о себе забыл очень важное. Краем уха улавливались диалоги.

– Володь, ты ж у нас по фрикам и паранормальному?

– Ну? – судя по голосу неведомого Володю разбудили.

– Забрал тут чудика, глянь, не из ваших? Что такое паспорт не знает.

– Твою мать! Тебя ж не бывает, вы же у нас мрете²² – ошарашенно выдал собеседник давешнего Контролёра, и тут Аксель наконец вспомнил это самое важное. Он умеет исчезать. Он может исчезнуть для этих людей и двери, и спокойно уйти. Сверкнул синий жетон, но Аксель уже растворился в воздухе и аккуратно пробирался к выходу.

– Это что было?

– Забудь. – Володя махнул рукой, – Психика целей будет, а этот сам скопытится. Не наш он, хотя и странный какой-то. Надо Лексу позвонить, пусть ловит и возвращает взад, он-то к ним как к себе домой бегаёт.

²¹ Вышел бедняга на Спасском, уныло побродил по паре-тройке окрестных кварталов и Сенной площади, а потом помчался к деревьям Юсуповского сада как к давно потерянным родственникам. Это у него заняло меньше двух часов, но наручных часов у него нет, а внутренние сбоят. – прим.автора

²² К сожалению просто глядя на человека опознать в нем пограничника или же негородского жителя нельзя. Володя известен по всей России и нарасхват, потому что может мельком посмотреть на человека и сказать наш он клиент или просто очень хитрый, но реальный. Была лет пять назад банда, которая маскировалась под паранормальные явления. Приехал Вовка, посмотрел и передал из цепких рук Контроля в не менее цепкие руки реальных полицейских по статье мошенничество. Обычно своих узнают по неопределённому возрасту, обмолвкам и поведению. Есть еще определённые личности на которых в Контроле лежит трудолюбиво собранное досье с фотографиями. – Лис.

– К ним, это к фрикам?

– Фрикам-фрикам, особый отдел, итить его через левое колено. Но этот, похоже и впрямь безобидный.

Жалко, что долго в этом состоянии не пробудешь, силы кончаются. Приходится сидеть видимым и читать свою записку по сотому разу. И надеяться на то, что никто опасный или опять Контроль к нему не подойдёт.

– Клёвые хайры! – Аксель устало поднял глаза на подошедшую девушку. Не Ланка. А зачем она ему? А про что она?

– Ха... что?

– Волосы, чудак. Ты чего такой потерянный? – Аксель молча протянул ей листок.

– Ого, прям ничего не помнишь? Круто..

– Ничего хорошего, – помотал головой Аксель, девушка звякнула браслетами на руке.

– Ты голодный? – сил осталось только на кивнуть. – Пойдем, у нас весело...

– Ты же меня не знаешь, может...

– Что? Ты страшный маньяк, только очень умученный на вид? Да, я ж тебе поесть предлагаю, чувак. Ну, помоги ближнему своему и все такое. – В животе согласно забурчало. – Тут ночами холодно. Ты где живешь?

– Не помню...

Она не обманула, было весело и вкусно. Совершенно дикие вкусовые сочетания, но есть хотелось. Ребята ещё пытались выпрашивать, как он здесь оказался и что у него с памятью. Ничего внятного он ответить не смог, пока в голове опять не раздался голос Ланки.

“ Привет, ты там живой? Прости, у меня тут сессия, я теперь не часто прихожу. А ещё опять копы в окно закинули, представляешь? Ужас. Жалко, что ты ответить не можешь ...”

– Я вспомнил, мне нужно вернуться в карман и найти там девушку .

– Во заливает, а?!

Глава 13 Тайное и явное

Себ Шнайдер он же боец Тополь по совместительству²³ по скромному своему убеждению обладал самым проблемным и бесполезным в мире талантом, разумеется, исключительно для самого себя. Причудливо совмещаясь с природным шилом в известном месте талант, организовывал кучу занятий и геморроя на ровном месте. Зато и скучной жизнь нельзя было назвать. Кем он только не был за эту свою жизнь.

Себ умел оказываться в нужное время и в нужном для Негорода месте. Он всегда знал, где ему следует появиться и что сказать, чтобы ситуация складывалась в лучшем ключе. Командир группы это даже ценил, посмеивался над искренним себовским возмущением, но к советам, даже откровенно бредовым, всегда прислушивался. В команде искренне считали, что если боец Тополь железно уверен, что надо пойти туда, значит, именно там и сложится все так как надо. В среде бойцов его иногда в шутку звали “засланным казачком от дорогого Мироздания”, и некоторые не подозревали насколько правы, а кто-то совершенно точно знал. В Мироздании в свое время его обзывали “штатный представитель Негорода в этой грешной реальности”²⁴.

– Зачем тебе твои бойцы и студенты, Себ? – часто спрашивал Радомир, друг, приемный сын и глава местного Мироздания по совместительству, наливая красного вина и подкладывая кусок тонкого до прозрачности сыра.

– Чего мог достигнуть, то я достиг, теперь можно и пожить для себя, пока дают. – следовал неизменный и немедленный ответ.

– Сидя в самой нашей проблемной квартире и шатаясь по общагам?

– Меня все устраивает.

– Себастьян!

– Меня зовут... – Себ как-то издевательски шуршал страницами паспорта, вспоминая очередное свое имя. Показывал его собеседнику. – но можно просто Тополь, Себастьян почил в бозе.

– Но не с одним же гвоздем, ну, Себ.

– Иногда, Цыган, чтобы понять жизнь, надо побывать и на самом верху и в самом низу. Попробуй, тебе понравится, – Радомир привычно морщился на Цыгана, пробовать не хотел и тема сама по себе менялась.

В этот раз видимо все внутренние настройки случайно заснули. Себ поддался на уговоры соседей пойти на какой-то флэт и курить там какую-то шмаль. Вот что приличный пограничник тут забыл? Тем более в его возрасте. Зачем ему трава? Конечно, официально он за этими детьми даже присматривает, но совершенно необязательно делать это настолько вовлеченно.²⁵

Негород, если разобраться, похлеще любых глюков будет, нарочно не придумать, только вот толпе реальных детей это не скажешь. Поэтому Себ сидел в углу, мрачнел, гладил оба жетона и предавался внутреннему старческому бурчанию.

²³ Да, я, конечно, тот ещё Гоша он же Гога он же Жора, но самоиндентифицирую себя именно как Себ Шнайдер. И “Москва слезам не верит” я действительно смотрел. И да, скромный немецкий парень странного возраста очень любит советский кинематограф и любовь передаётся воздушно-капельным путём. – Себ Шнайдер.

²⁴ Про то, что я бывший зелёный не догадался никто, кроме моего прежнего командира, Сокола, а тот помалкивал. И даже не потому, что он был под подпиской о секретности, ему было любопытно, кто из команды сам до этого додумается. Правда, если бы не Ласька, таких впечатляющих высот маскировки я бы точно не достиг. – Себ Шнайдер.

²⁵ Соседей у меня немного и то некоторые из них это почти семья. Ласька с женой, небольшая и меняющаяся (от нуля до максимум пяти) коммуна уже подростков детей негородских неформалов (Ласька договорился с их родителями и они нам поставляют деток в самостоятельную жизнь) и один программист, которому до этого бременного мира мало дела. Ещё одна комната официально закреплена за Марко и его ученицей, но они достаточно редко тут появляются. – Себ Шнайдер.

– В смысле в карман вернуться? – ухо привычно вычленило подозрительно знакомый термин и Себ повернулся к говорившему всем телом. Совсем ещё мальчишка, со взрывом красок на голове.

– Нет, не куртки... – голос отвечающего был тих, да у него от слабости просто глаза закрываются, – Карман это место такое...

– На жаргоне? – догадался кто-то, мальчишка кивнул и закрыл глаза.

– Эй, чувачок, не спи. – Его потормошили за плечо. Разноцветная голова безвольно мотнулась.

– Ага..

– Какой карман? – Себ подскочил ближе, бесцеремонно схватил за связку амулетов на шее, ища жетон. – Где?

– Извините, я не помню, что у меня там болтается, это может быть опасно, – связку аккуратно вынули из рук, – Просто карман.

– Мальчик, ты знаешь сколько в Питере карманов? – Себ старается не показывать раздражение и не закатывать глаза.

– Много, да? – Жалобно тянет парень. Откуда ты такой незамутненный взялся? Не местный? Вслух Себ только тяжело вздыхает:

– Не то слово...

– Чуваки, да скажите вы уже, что это за карман?

– Место такое, непонятно что ли? – голос у мальчишки срывается на какой то писк, Негород в себовской голове молчит и в этот день был явно не балует своей благосклонностью, но бросить разноцветное чудище и уйти у него ничего не повернулось. Мимо проходить Себ за свои почти триста лет так и не научился.

Глава 14 Беда и утешение

В карман просто посидеть и выдохнуть Ланка смогла вырваться только после сессии. Она устала от людей и экзаменов. У нее засело половина курса и квартира напоминала поле боя. Пустые банки из-под энергетиков, бутылки из-под пива, фантики и конспекты везде ровным слоем. В какой-то момент она не выдержала, выгнала всех и ушла гулять.

В кармане она присела на скамеечку, привычно обвела взглядом крыши. Акселя не было. Обиделся? Что-то случилось? Опять потерял где-то сознание? Ее одновременно мучали и любопытство и беспокойство. Она же оставляла ему сообщения. Говорила. Он не слышал? Надо было выговориться тому, кто точно поймет. И, возможно, даже поможет.

“ Лис...приходи?”.

Можно было и папе или Борьке, но им ехать далеко, прямо сейчас в плечо поплакать не выйдет. А к дяде можно было прийти в карман. За спиной что-то прошуршало, мелькнула тень. *Жди.*

Лис отвечал как умел.

Ланка ждала дядю так долго, что успела прочитать книгу, перечитать конспект и благополучно заснуть.

– Здравствуй, – Повеяло холодом и Лис обнаружился сидящим на лавочке напротив, – Прости, работа. Чего ты хотела?

Привычная вежливость Лиса. Даже почти не ранит. Как в детстве. Правда он всегда выслушивал, пусть и достаточно равнодушно и не меняя выражения лица.

– Аксель мне не отвечает и он не появлялся тут. Он сюда часто приходил. – Она зарыдала уткнувшись ему в плечо, – я зову, зову...

– Тихо, тихо, мы всех найдем. Только не плачь, – Дядя казался немного растерянным, тени укрывали и укутывали так бережно, как могли. – Все будет хорошо.

– Лис-лис, я так виновата, – слезы лились неудержимым потоком, – если бы я его не потащила за собой, то ничего не было бы.

– Это совершенно не факт. – прошептал на ухо вредный дядя, – могло быть ещё хуже.

– Лис! Не каркай. – она попыталась его стукнуть, но невозможно поймать тень и удержать в кулаке туман.

– Зато ты теперь не плачешь, – она привыкнет, наверное, к клыкастым улыбкам и огню в глазах. В этом новом Лисе эмоций гораздо больше.

– Дядь, прости. Я залезла в квартиру вашей Уроды. Не ругайся только. Аксель ее правнук. Тот самый пропавший, – злое и свирепое выражение лица сменилось озадаченным.

– Ты уверена?

– Там фотография есть, можно узнать, и шрамик над правой бровью видно. Не переживай, я очень аккуратно, честно. Я перед квартирой извинилась.

– А теперь ты чего опять реवेशь? – Лис аккуратно стер пальцем ее слезы. – Решим все.

– А ты то-очно знаешь? – проскулила Ланка и Лис опять стал туманом, укутывая её плотным коконом как бабочку. Плакать она перестала быстро.

– Успокоилась? – туман и тени обрели плотность, превратившись обратно в Лиса. Ланка ещё раз всхлипнула, утерев слезы лисьими волосами.

– Наверное.

– Рассказывай сначала и по порядку. – По мере рассказа Лис мрачнел, периодически рассыпался тенями и метался под лавкой. В общем был очень беспокойным слушателем. – Что меня беспокоит так то, что на работе его тоже нету. И дома нету. Светлана, не реви, найдем! Всех найдем.

Полное имя неожиданно отрезвило. Присутствие дяди расхолаживало, от него веяло таким спокойствием и ощущением чего-то привычного, что парадоксально вспоминались все неприятности. Не отвечающий и куда-то запропавший Аксель, Тополь, который и не думал с ней созваниваться, бродил где-то по своим тополиным делам. А ведь он оказался прав, все друзья с общаги никуда не делись и по вечерам, хоть и реже, все так же собиралась компания из шулера, поэта и остальных мечтателей, зато вредных соседок и скандалов дома не было.

– Соберись! – Лис легонько встряхнул ее за плечи, – Ты можешь понять, где находится человек? Да не реви ты опять, без сладкого оставлю. Влип, кажется, твой Аксель по свою разноцветную маковку.

– Я не пробовала. – растерянно пробормотала Ланка, чужие пальцы на плечах нервно сжались. Больно.

– Вот что тебе надо, чтобы позвать человека?

– Знать его или видеть, если он мне незнаком, то просто полное имя и фото. – уже привычный ответ на вопрос. Радомир Мстиславович был требователен и заставлял тренироваться каждый день, – Это опять тренировка? Тебя Рад попросил?

– Я б помер от удивления, если бы меня Рад о чем-то попросил. Мы не настолько близко знакомы. – Искренне признался Лис, – Это моя инициатива. А когда ты мне что-то говоришь на расстоянии, то это отличается от того как, допустим, Деду?

– Да, тебя будто через вату даже если я тебя вижу или нахожусь тут, а папе могу все говорить свободно. А тебе зачем?

– За надом. А до Акселя?

– Легче чем до тебя, но сложнее, чем до папы или по радовым поручениям. – Сформировала свои ощущение Ланка. Лис цокнул языком.

– Скажи что-нибудь сейчас Акселю... Молодец. Ты как до меня дотягиваешься или как до Деда? Или как обычно?

– Скорее как до Деда...

– Понял. – Лис долго сидел, задумчиво уставившись перед собой. От него разбежались черно-серые тени. – Так вот, чую всеми местами, что он как-то забрел в город Петербург и его срочно надо выловить, а то могут быть разные результаты.

– Какие?

– Или умрет или намертво заблудится. – Лис задумчиво посмотрел на окна Уродки, – Обнадежу, если он реально Сашка, то умереть не должен, максимум голова поболит с привычки.

– А если нет?

– А если нет, то зависит от силы его духа. Меня сейчас хватает на полдня, не больше. Без подробностей.

– Я могу ему сказать, чтобы приходил по такому-то адресу? – воодушевилась Ланка.

– А он знает город? – Лис испытующе склонил голову. Таким деловым и не требующим возражений тоном он никогда не говорил. – Ты это учиываешь?

– Спросит кого-нибудь? – нерешительно предположила Ланка, – Ты чего такой?

– Ах, да, я же не на работе. – Лис нахмурился, тени пометались туда-сюда и затихли у его ног, – пробуй так, а я дерну кое-кого. Попытайся просто поискать.

– Я не умею... – жалобно протянула Ланка, – Радомир меня только связи учит. Но мне кажется, что Аксель сейчас будто бы спит и в безопасности.

Ничего ей на самом деле не казалось, но хотелось, чтобы исчез этот жёсткий дядин тон и собранность. Как на допросе.

– Не умеешь, понимаю, – Лис сверкнул красными глазами, – Тогда Аксель погибнет, потому что все опустили руки. Ланка, не реви.

– А... – дядя не дает ей сказать, утыкая её голову себе в плечо и обрывая даже не начатую фразу.

– Согласен, перегнул. – Буднично и легко замечает Лис. Ланка всхлипывает и думает, что, кажется, больше по нему не скучает. – Передай Деду и Борьке, чтобы срочно приехали. Завтра. Это важно. Прямо сейчас.

– Хорошо, – Ланка все еще тихонько всхлипывая передает требуемое. Лис задумчиво замечает.

– Жалко парня, а ещё я бы полжизни отдал за то, чтобы ещё раз увидеть как Ираида танцует. Вдруг это на самом деле ее внук?

Ланка и глазом моргнуть не успела, как Лис рассыпался клочками тумана. Пора начинать к этому привыкать.

Глава 15 Хиппи и Себ

– Пойдем. – этого хлопающего глазами как крыльями мальчишку надо было срочно увести. А то все хиппи уже бросились выяснять, что такое карман и почему он не на одежде.

Странно, но среди них негородских водилось реже, чем хотелось бы. Пообщавшись поближе, Себ был железно уверен, что это какая-то философия Системы. Ты принимаешь себя и мир таким, какой есть, и не только принимаешь, но и любишь или, по крайней мере, очень сильно пытаешься.

А вот Негород принятие не любит, Негороду нужен какой-то внутренний слом и отказ. Так, чтобы человека протащило по всем колдобинам жизни. Так, чтобы он сначала возненавидел саму жизнь, а потом медленно и неотвратно начал ее до ужаса любить. Неустроенность ему, падле, подавай. Правда и откликается он сообразно усилиям.

Мальчишка не двинулся, пришлось зашипеть в ухо и силком выволочь его в прихожую, подальше от любопытных ушей.

– Пойдем, дурень, у нас же секретность. – Последнее, что Себ хотел в жизни это объяснять кучке хиппанов негородское устройство. Они еще и следить за ним будут, пытаюсь проникнуть в эту несговорчивую реальность.²⁶

– Да? – удивлённый взгляд и хлопок длинных чёрных ресниц.

– Точно тебе говорю, зовут тебя как?

– Аксель. – ответить Себ не успел, хиппи заметили и выслали парламентёра

– Тополь, ты куда его потащил? Верни назад! Я его первая нашла. – звон браслета с колокольчиками, мелькнули перед глазами фенечки.

– Домой к себе повел, – невесело усмехается Себ, махом решая за всех, отслеживает реакцию. В глазах у мальчишки немного любопытства и много страха, скрытого за бравадой. Молодец. – Ему уже хватит впечатлений.

– Уверены? Мы..

– Уверен, – голос у Акселя хриплый то ли от переживаний, то ли хиппи успели в него влить что-то холодное и алкогольное. – Мне надо найти Ланку и карман.

– Возьми на память, – в ладонь Акселю опускается красно-черная фенечка, девчонка улыбается, переминается с ноги на ногу и помогает завязать. С этого вот Таньчика и одного чердака знакомство Себа и тусовки на флэту и началось. Сначала хиппи долго выслеживали, кто к ним ходит на чердак, потом выследили, подружился и стали прикрывать от любопытных. – Заходи ещё, чувак.

– Обязательно, – неуверенно обещает это разноцветное чудовище и вопросительно смотрит почему-то на Себа. Он кивает. Конечно, зайдет! А сейчас нам пора.

Жизнь оказалась полна открытий. Где нужный ему карман Аксель не помнил, а Себ мог насчитать в этом микрорайоне карманов десять, включая их тренировочную базу, и это только навскидку, пойдя разбери из какого именно этот паренёк вышел. Точно не из базы. Пришлось расспрашивать .

– Ты на автобусе ездил? Только ходил? А что видел?

– Площадь со стеклянной палкой и сад. Там подальше надо пройти. Я в саду сидел, а то у вас шумно.

²⁶ Пограничников среди неформального и особенно ролевого движения очень и очень много. Но не всякий негородской неформал и не всякий неформал негородской. Особенно ушлые ставят по Негороду игры, пишут по Негороду книги, но главы СУОБМ чаще всего эти попытки творчества пресекают, особенно если именно этот глава на эту игру не едет. Во-первых, не ленитесь, а придумывайте своё(или хотя бы измените название),а во-вторых Тони уже раз придумывал логическое объяснение как он за час обошёл десять магазинов и все успел. – Себ Шнайдер.

– У нас?

– Ну, в вашей реальности, мою вы Негородом зовете. – От искренности и лёгкости признания Себу захотелось срочно сесть, а потом ощупать мальчишку на предмет повреждений.

– Тебе не больно?

– Нет. Чего ты пристал? – Аксель раздражённо прищурился, – просто не помню ничего и мне надо вернуться в карман. И найти того, кого нужно.

– Понятно. – заключил Тополь, – что ничерта не понятно. Так а теперь рассказывай, как ты сюда попал и что с тобой происходит.

– Зачем? – Подозрительный взгляд этот Себ знал. Если честно он так на всех действует, особенно когда собирает всю свою тысячу лиц в одно: вселяет чувство спокойствия и пугает одновременно.

– За надом. – Коротко отрубает Себ. По лицу мальчишки видно, что ему хочется послать его ко всем чертям, но на дороге люди, видящие Негород не валяются. Себ за всю свою жизнь валялся и в канавах, и в окопах и на дорогах и мог бы с этим поспорить.

– А может я просто сам по ходу и кое-как вспомню? – ннеуверенно предлагает Аксель. Себ коротко мотает головой.

– Нет. я в этой реальности как рыба в воде, а ты дойдешь только до ближайшего дома презрения. Я знаю куда бежать и что делать, когда потерялся в чужой реальности, а ты нет.

– Мне просто надо найти карман, – упрямится Аксель.

– И карманы эти твои я чувую, за все свои почти триста лет столько народу в них перезапрятал и через них провел, что с ума спрыгнуть.

– Врешь, люди столько не живут. – упрямо сжатые губы и откровенное недоверие в глазах.

– Пограничники и больше живут, но реже. Найдем мы твой карман. Не сегодня так завтра.

– Мне сейчас надо, я завтра могу не вспомнить. – жалобно признался Аксель, – я память теряю.

– Подробности, друг мой. – Чему жизнь Себа и научила так это слушать. Сидеть в углу и впитывать информацию в каком-то кабаке, или держать в ладонях руку человека и вскрывать его душу .²⁷

– Тебя пытаются заставить что-то забыть, – Подытожил рассказ Себ. – Слишком совпадает появление симптомов с тем, что ты пытался зайти в подъезд. Скорее всего то самое детство, которое ты не помнишь. Больше нечего.

– Ланка вроде говорила, что я вспомнил ключ в кармане, но мне от него так дурно стало...

За разговорами они дошли до себовского жилища.

– Ой, – выдал на всю кухню пораженный Аксель, – соседи могут быть прямо в квартире. Я бы помер. Мне, и в соседнем доме слишком близко .

– Тихо, не разбуди никого. – Себ открыл дверь в комнату и пропустил Акселя вперед, – Свои.

Из глубин комнаты раздалось тихое ворчание.

– У тебя тут что карман в квартире? Или негородское животное? – Аксель напряжённо всматривался в темноту, а она – в Акселя.

– Долго объяснять, но не совсем обычная квартира, верно. – Махнул рукой Себ, с каждым годом квартира была все страннее, – Вернёмся к тебе. Ты говоришь, что иногда просыпаешься нормально, а иногда все забыл, значит должен быть какой-то триггер. Тебе сны снятся?

²⁷ Дома я вечно не мог ничего никому рассказать. Мама, возмущалась на каждое слово и перебивала, отец слушал так отстраненно, будто это самая скучная в мире вещь. Тополь слушал так будто ему действительно важно и интересно, то, что он слышит. Поэтому я и не сбежал. – Аксель.

– Не помню. Раньше точно снились, меня в них звали как-то по-другому и всегда было ощущение постоянного чуда и музыка. Я, кажется, умел играть на каком-то инструменте.

– Тебе сейчас не больно? – Опыт подсказывал, что мальчишка уже должен был выть и бросаться на стены от боли, а он сидит на стуле ровненько, руки на коленях сложил.

– Да нормально мне, абсолютно, с чего ты взял, что должно? Кстати, тот Контролёр говорил, что “ вы же у нас умираете”.

– Умираем, – охотно подтвердил Себ, – мы – у вас, вы – у нас, испытывая по этому поводу потрясающие ощущения будто с тебя медленно снимают кожу и выворачивают каждую кость.

– Бррр, – Акселя явственно передернуло, он отрицательно затряс головой, – Ничего подобного даже близко нет, я бы заметил. А откуда ты знаешь?

– Никогда не стоит говорить с уверенностью о том, что не испытывал на себе. Я проверял. Не смотри с таким ужасом, минут двадцать это ещё можно вытерпеть. И даже час при должной сноровке. А если сильно много тренироваться, то и день. – Себ потряс в руке флакончиком с таблетками. Высыпал на ладонь две, подумал и добавил половинку третьей. Одна для сходить в Негород, дае для того, чтобы наконец поспать без сновидений и наоборот никуда не попасть, половинка для верности. В Негород Себ ходить не умел, но таблетки и инструкцию держал исключительно на всякий случай. – Идея такая. Я даю тебе снотворное, ты гарантированно засыпаешь без снов на какое-то время, а потом мы проверяем помнишь ли ты хоть что-нибудь.

– А ты? – В ответ на остро-подозрительный взгляд из-под длинной челки. Себ небрежно пожимает плечами.

– А я немного поработаю частным детективом. Поговорю кое с кем.

Глава 16 Поиски и разговоры

Иногда Радомир считал свою должность проклятой. Первый же год после перевода ознаменовался скандалом. Один из бойцов решил, что он может подчинять себе людей направо и налево, не гнушаясь товарищами по команде и сотрудниками соседних служб.

Только ликвидировали этого деятеля, как через лет пять вразнос пошел его, Радомира, личный заместитель, почти преемник, попытавшись подсадить драгоценное начальство. Пришлось сделать кадровые перестановки и ужесточить порядки.

Лет двадцать от нестандартных и рискованных решений Деда вышло все Мироздание, потому что о секретности боец не сильно заботился. Только повысили Дениса и на нестандартные решения не осталось времени, так к бойцам поступил некий Птиц со склонностью к неуместным шуткам и патологическому неподчинению к инструкциям. Увольняли Птица с треском и скандалом на весь Ленинград. В девяностые было тихо и работали адекватные люди, проблем без этого хватало. А в нулевые принесло в город этого фрица поганого, то есть друга, начальника и приемного отца. Он решил попробовать себя в другом амплуа. Легко на помине.

– Радомир Мстиславович не принимает, – за дверью слышался приглушённый писк секретаря. – Он занят!

– Освободится. – Амплуа новое, а вот замашки вполне себе старые. – У меня важная информация.

– Записывайтесь на прием с десяти до...

– Мне сейчас нужно, – обманчиво мягко произнес Себ, берясь за ручку и отодвигая сто двадцать килограмм Верочки от двери.

– Боец, стоять! – у бедной девочки не выдержали нервы и она махнула жетоном. Вспышка. Если Себ ответит своим, эту дурочку просто вметет в стенку и хорошо, если останется жива.

“Уволюсь, махну на Мальдивы, контору к чертовой матери оставлю да хотя бы этого типа, пенсия ему не на пользу,” – уныло подумал Радомир.

– На меня такое не действует, – судя по голосу широко улыбнулся Себ и шагнул в кабинет. Верочка вцепилась в его ладонь и попыталась оттащить от двери.

– Вера! – загремел Радомир, – Соблюдайте субординацию! Вы бы его ещё по голове ткнули и не пустили бы.

Верочка отпустила чужую руку и часто заморгала.

– Вы...вы...вы же сегодня не принимаете, – в голосе жалобно звенела обида. Кажется, пора отдавать специальные распоряжения на тему Себа, а то он всю контору запугает. Ничего, девочка, сейчас всем достанется,

– С...Боец Тополь, что за цирк вы устраиваете?!

– Соблюдайте субординацию, – вежливо дав улыбку во все сорок два своих арийских зуба подсказал Тополь. Вспомнить бы как его зовут по паспорту, интересно сам-то помнит?

– Приличное заведение, а творится черт ногу сломит что! Вламываетесь без предварительной записи, пугаете секретаря...

– Хорошо не публичное, – так же кратко прокомментировал Себ, Верочка у двери побелела как мел.

– Боец Тополь, держите свой внутренний мир при себе, – особенно пугливые сотрудники уже бы в обморок упали, а этот прошествовал к стулу для посетителей, сел, и небрежно закинул ноги на стол. Детский сад. Маршака ему что-ли прочитать, как внушкам? – Вера у вас работы мало? Добавить?

– Но...

– Дверь с той стороны закрой! – рывкнул Себ, Радомир поморщился. Иногда из компанейского и лиричного Тополя лез неприятный штандартенфюрер Шнайдер.

– Зашёл бы сразу ко мне домой. – Покачал головой Радомир, – а то взял моду.

– А сам дома-то давно был, трудоголик?

– У правнучки зубы режутся, – со вздохом признался счастливый дед. Себ расхохотался, раскачиваясь на стуле, Радомир злорадно понадеялся, что он грохнется.

Ловкости и координации этого поганого фрица даже горностаи бы завидовали. Любой нормальный человек уже кости бы пересчитывал, а этот качается. И ведь явно пришел не за тем, чтобы позлить Верочку или просто в гости на бутылочку вина. Тогда он вежливо предупреждает о визите. Радомир покосился на дверь, прислушался. Верочка нервничала и недоумевала, почему наглый боец не вылетел в окно или хотя бы за дверь. А если кто и получил нагоняй, то только она за служебное рвение.

И не объяснишь же каждой девочке-секретарю, что тебе до сих пор в кошмарах снятся укоряющие слова: “Рад, ты перегнул палку. Пока я не могу это простить”. А потом стук захлопывающейся двери как набат. И ты переводишься в другой город, потому что теперь ты ненавидишь эту Москву и это проклятое Поволжье до глубин своей души. Ты лет пятьдесят держишь папку с его личным делом на столе, пытаешься отследить засветится ли она, самозаполняясь. Вдруг он появится и решит обратно немного поработать. Надежды мало, но все же. Ты обзваниваешь всех знакомых и единственное, что добиваешься, то усталое от сестры: “Рад, если тебя утешит, с ним все хорошо. Рад, я же не могу привезти к тебе взрослого человека как собачку на привязи”. У Лизхен ее забавный акцент, ты всегда улыбался его слыша, а сейчас хочется взвыть. И попросить прощения, ведь ты хотел как лучше.

А потом он внезапно появляется рядовым бойцом, вселяется в самое худшее из подведомственных жилищ, которое ему почему-то выбивает Ярославский контроль, и ведёт себя как ни в чем не бывало, обрывая все извинения и попытки оправданий. И ты понимаешь, что прощен. И уж тем более не объяснишь ты никому, что до сих пор за усталое, но очень теплое “чуцело ты, Цыган” ты готов отдать коня и полцарства впридачу, хотя любому другому за Цыгана даже сейчас пустил бы юшку, не взирая на пол, возраст и общественное положение.

Глава мироздания стирает с лица глупую улыбку и проглатывает весь монолог, ограничиваясь одним вопросом.

– Чего хотел? – Надо все-таки отдать Вере распоряжения Себа пускать с поводом и без. Спокойней будет в первую очередь ей.

– Я тут встретил занятного юношу. Он утверждает, что негородской житель, но наша реальность его не отторгает. – как всегда Себ начинает издалека. Рад думает, что такого быть не может, это как будто яблоко, вместо того, чтобы хлопнуть Ньютона по голове, полетело вверх. А Себ огорашивает следующим вопросом. – У вас последние лет пятнадцать дети пропадали?

Неудобный вопрос. Радомир предпочел бы этого не помнить и уж точно не держать по этому поводу ответ перед бывшим учителем.

– В большом городе вечно кто-то пропадает...

– Цыган, ты, Цыган. Не время. Я не буду тебя ругать, – Мягко замечает Себ, кажется, он все же тоже эмпат, хотя и никогда об этом не говорил. – повторяю вопрос. Дети пограничников в Негород уходили без возврата?

– Мы следим за ... – Глава Мироздания начинает было оправдываться, но под грозным взглядом быстро сдаётся, – Да. Было. Я поэтому своих девчонок не вожу, дети дороже.

– Всю информацию по этим детям мне на стол. Быстро.

– Да, Мстислав Павлович, – прозвучало настолько естественно будто и не было никогда Радомира Мстиславовича, но был Радко Цыган осьмнадцати лет, мальчик на побегушках в

небесной канцелярии. Коему Радко сотню раз на дню повторяли, что здесь в этих стенах приемный отец и учитель не “ну, паааап” и даже не “Сеееб!”, а Мстислав Павлович.

– Усвоил наконец-то, – Нынешний боец Тополь(надо привыкать его так называть) хохотал навзрыд и наконец свалился с таким грохотом со стула, что из приемной прибежала встревоженная Вера.

– Верочка, – Радомир, не обращая внимания, небрежно черкнул пару строчек и протянул листок секретарю, – принесите из архива вот эти материалы.

– Почему этот боец на полу валяется? Почему он вами командует, будто он ваш начальник?

– Вера, работайте, а не обсуждайте тут... – Радомир выплюнул последнее слово как ругательство, – всяких бойцов.

– Я его внебрачный сын, – вставил ухмыляющийся от уха до уха предмет разговора. Он уже успел вскочить, бесшумно поднять стул и принять прежнее положение тела в кабинетном пространстве. Почти триста лет мужику, а ведёт себя как распоясавшийся бунтарь-подросток.

– Боец Тополь!

– Да ладно, шучу, – этого благодушного тона боялась вся столичная небесная канцелярия, – На самом деле я его отец. Вы ещё здесь?

Улыбка вышла настолько хищной и знакомой, что Радомиру захотелось сбегать в архив самостоятельно. Второй раз за полчаса он почувствовал, что он просто Радко. На самом деле ему опять двадцать, он пару лет назад углядел на старинном фонарном столбе приглашение в “негородские управы”, пришел, а в кресле начальника сидит приемный отец и даже не скрывает радости в глазах.

– Зачем ты с ней так?

– Сильные эмоции ей не помешают, авось работать начнет а не мечтательно разглядывать твои фотографии. Кто тут эмпат? – Тополь проводил взглядом захлопнувшуюся дверь, – Кстати, напоминаю, ты всё ещё можешь звать меня папой. Наедине.

– Чучело ты, Цыган, запомни, наконец, в этих стенах я для тебя Мстислав Павлович и никто другой, – подхватывает Радомир.

– Боец Тополь, – серьезно, пряча смешинки в глазах и теплоту в голосе отвечает Себ, – Запомни уже, наконец, Цыган. А ты, Радомир Мстиславович, большой начальник.

– Я представить себе не мог, что оборванец, с которым мы улепетывали от бродячей собаки через недели две приедет за мной же на дорогушей карете, – мечтательно вспомнил Радомир, – у всех тогда zenки прилично повылазили.

– А лексикон, смотрю, прежний, – заглянувшая с папками Вера прервала сеанс ностальгии и Тополь оборвал себя на полуслове. – Спасибо. Цыган, брысь отсюда.

– Себ, не пугай мне сотрудников, они к такому непривычные, – Радомир, качая головой, уступил стул и продолжил ностальгически созерцать картину “Себастьян Шнайдер и рабочий хаос”.

– Почему Цыган? – Верочка замерла соляным столбом в дверях и тоже смотрела это представление и пыталась кое-как сохранить лицо. – Вы тоже слышите треск моего шаблона?

– О, вы ещё находите силы шутить. Цыганом меня когда-то звали, – рассеянно ответил Радомир, – я жутко злился, но потом как-то привык.

– Так-с тут труп обнаружили этого живого нашли, зачем оно мне? А вот тут... – Тополь широким движением руки смел ненужные папки на пол, – Уродка это кто?

– Корректор, полячка, ты... – Тополь бросил предостерегающий взгляд на Веру. – Вера, идите работайте и пропускайте уже Тополя в любое время. Ты тогда как раз в Европе был, не застал. Ее карман ты тоже не видел, он позже появился, в блокаду.

– Ее карман?

– Она там танцевала вечерами.

– Адресок черкни. – Себ быстро пробежал глазами адрес. – Спасский это Петра Алексева? Помню я этот карман...

– А когда... – попытался было спросить Рад, но его оборвали раздраженным и до боли знакомым щелчком пальцев. Так обычно любил делать Мстислав Падлыч, когда оправдания подчинённых ему сильно наскучивали.

– Неважно. У меня есть все основания полагать, что я случайно нашел ее внука. – На его месте сам Радомир лучился бы самодовольством, приёмный отец докладывал обо всех своих подвиги и достижение буднично. Шёл по жизни легко.

– Не может быть!

– Иногда мне кажется, что я именно тот дед с которым всякая шляпа случается, – грустно вздохнул Себ и развёл руками, – но ты погоди пока радоваться. Мне ещё надо подумать и перед кое-кем извиниться.

Глава 17 Кофе и размышления

Себ прислушивался к дыханию спящего Акселя в комнате и варил кофе, ну а если точнее, то думал. Он любил думать через готовку ещё с юности. Процесс сам по себе медитативный, а ещё можно было наречь картошку “Марко” и разрубить её на куски.

Итак, карман знакомый. Любимый схрон ленинградцев в блокаду. Воспоминание отзывается привычной тянущей болью в плече.

Стой, кто идёт?! – Себ послушно остановился притормаживать и Яна Карловича. Бдительность часового он прекрасно понимал. Зима 1943-го в блокадном Ленинграде была существенно легче, но все равно холодная и голодная. Карман этот ленинградцы оберегали всем городом как зеницу ока. Зенитка лишний раз не упадет, Мессершмитт не проскочит. Себ про него и не знал, подсказал один из марковских связных. Яна Карловича надо было куда-нибудь деть и желательно так, чтобы он мог приложить свои силы и быть полезен.

– Свои, – голос у Себа тоже хриплый и уставший. Два дня за рулем, зимой так просто не проходят. – Мы из Аушвица. Я вам врача привел.

– Пароль!

– Да не... – дослушивать часовой не стал. Винтовка с плеча и выстрел. Себ непонятно каким чудом успел задвинуть за спину Яна Карловича и тихо помянуть чужую бдительность. Из кармана бежали на выстрел негородские ...

А потом этот мальчишка, получивший свой выговор, вынимал ему пулю и зашивал руку. Ян Карлович был настолько слаб, что помочь мог только советами. Воистину, хорошо помнит Себ этот карман, лучше чем хотелось.

Сыпануть в медную джезvu ложечку молотого кофе. Внимательно на нее посмотреть и при зрелом размышлении прийти к выводу, что проблем тут точно не на одну ложку и добавить ещё. Допустим, кофе это он сам, к бабке не ходи опять Негород сделал его центром событий, вовремя подкинув нужных людей. И вся наличная интуиция говорит, что Акселя надо срочно вернуть родной бабушке, невзирая на мнение окружающих. Что-то в этой бабушке важное, но до этого ещё жить да жить. Сначала разберемся с карманом. Скорее всего, Уродкин карман и карман, который ищет Аксель одно и то же место.

Мальчик не помнит, что связано с местом, но его тянет туда приходить. Логично. Что же ты такое видел, чудовище? О чем на самом деле ты должен был забыть?

Тополь склонил голову, наливая воду в джезvu и размешивая. При таком отождествлении вода точно Негород. Наделать вот льда и подавать гостям чай с Негородом. Ведь зачем-то вынес на меня этого мальчика, а кстати, кто Аксель? Пожалуй, лимон.

– По уму привести тебя Раду и пусть он разгребает, – доверительно сообщил половинке лимона Тополь, прижимая ее ножом, чтобы чуть пустила сок. – А дальше...

А вот тут вопрос. Та ли эта Ланка или все таки нет? С одной стороны это город большой, а Негород маленький. С другой стороны это может быть просто тёзка. Ланка, если это его Ланка, пожалуй, соль. Вроде как незначимая штука на первый взгляд, но с ней однозначно лучше, чем без нее. Соли сыпем от души. Перемешиваем, а теперь нагреть и не взбалтывать.

А ведь девчонка что-то говорила про место, в котором останавливается время и вечное лето. Он ещё тогда вежливо отмахнулся, подумав, что это в лучшем случае это просто дет-

ские фантазии. Да и не до этого тогда было, деканат умеет трепать нервы всем даже тем, кто искренне верит в свою железную психику.

Ну не могут же случайно столкнутся два пограничника в одной общаге? Говорят, все же редкое явление. А если все же да? Надо проверить, совпадает ли ее адрес с абрикосами и двором с тем, что дал Рад.

Стареешь, герр Шнайдер. Где твоя хватка? Где твоя хвалебная внимательность и немецкая педантичность?

– Твою ж дивизию. – Себ снял с огня чуть было не убежавший кофе. – На месте стой.

Дальнейшее тоже было делом привычки и техники: найти ситечко (вспомнив при этом всю русскую литературу разом), налить кофе в кружку и долго сидеть на окне, грея руки и размышляя. И заодно ещё Ланку набрать нужно. Спасибо техническому прогрессу за телефоны, ещё каких-то лет сто назад так легко бы Себ ни с кем не связался.

Ланка не отвечала. На пятый звонок, Себ послушал гудки, залпом опрокинул в себя уже успевший остыть кофе и прислушался к внутренним ощущениям. Те твердили, что надо срочно зайти в ближайшую пекарню, а потом брать ноги в руки и мчаться к Дворцовому мосту. Причем тем быстрее, чем лучше. Ничего не излечивает от хандры лучше, чем хруст французских булок.

Глава 18 Тоска и хруст французских булок

Из кармана Ланка вышла как старая бабка, нарочито шаркая ногами и волоча за собой хвост сомнений и разочарований. Всё, что может идти не так идёт не так.

Лис какой-то незнакомый, Акселя надо искать, а она не представляет как. А ещё не вполне уверена, что до брата и отца дошла ее “телеграмма”. Ответить они могли лишь звонком, а звонить никто из родственников не торопился. У неё была очень самостоятельная и скрытная семья. В чужую жизнь никто из них не лез без крайней необходимости.²⁸

Да еще и “вечного студента” как корова языком слизнула. Он не появлялся и не звонил с той самой ночи в общежитие. Ланка уже совсем созрела сходить по указанным адресам, но выяснилось, что в безумстве сессии бумажка куда-то делась, а в общежитие идти не хотелось. Сам же Тополь был единственным из компании кто ни разу не пришёл и даже не передавал приветы. Без Тополя было скучно, будто бы кто-то вынул из ее жизни пару важных паззлов, а теперь картинка не складывается. Его не хватало, как чего-то очень обыденного, которое исчезло из жизни без предупреждения. Даже его адское варево вспоминалось теперь с ноткой ностальгии.

Сначала Ланка бесцельно бродила по городу, заходя во все попавшиеся книжные магазины, а потом ноги сами понесли на Дворцовую площадь и на набережную.

У Невы было хорошо тосковать. Сидеть на ступеньках спуска, смотреть на реку, которая периодически обдаёт тебя брызгами, иногда болтать в ней ногами, и думать о том, как легко все закончить. Просто в воду вниз головой и все, даже далеко идти не надо. Сгодится любой попавшийся по дороге мост. Или даже спуск как сейчас.

Отец когда-то говорил, что у каждого второго человека есть свой мост или окно на котором он стоял или люстра, на которой он вязал петлю. Или даже у каждого первого, просто не все признаются. Ланка сначала не поверила, в детстве, когда ты прячешься под кроватью и подслушиваешь разговоры отца и старшего брата не думаешь о смерти. Поняла она потом, лет в шестнадцать, в какой-то отчаянно тоскливый эпизод своей жизни.

А ещё у Невы ощущаешь себя маленьким корабликом посреди моря. Особенно, когда выезжаешь из узкой Зимней канавки в дельту и не можешь сдержать восторга при виде открывшихся просторов и города с воды. Ланка тогда вскочила со скамейки, а друзья, подарившие ей эту экскурсию, смеялись и подтрунивали. Может все же набрать Тополя? Вот странно, в общежитии всегда было о чем поговорить, а теперь она не представляет что сказать.

– Ой... – телефона в сумке не было, а память ехидно кривлялась и подсказывала, что с зарядки его тоже никто не снимал. Так и лежит, грустит и печально жрет электричество. Вот уж точно никакого от нее толка.

Через часа полтора Ланка успела наплакаться, немного подзамерзнуть и собраться домой.

– Здравствуй, – Тополь с бумажным пакетом в руках непонятно откуда появился. То ли прыгнул с набережной, то ли как русалка вышел из Невы.

– П-привет, – Ланка удивлённо посмотрела на перекочевавший ей в руки пакет, оттуда упоительно пахло свежей выпечкой. – Ты откуда?

– Оттуда. мне почему-то нестерпимо захотелось пойти на набережную и срочно угостить того, кого я там встречу, – Тополь улыбнулся, сделав страшные глаза.

²⁸ В основном из-за того, что так или иначе все жили в секретности много лет. Мне было запрещено рассказывать детям о том, каким на самом деле охранником я работаю. О должности Палача Контроля сын молчал сам, Лис ему не запрещал по крайней мере явно. Раскрылся он, как потом признался, из-за того, что подумал, что Насте могут понадобиться услуги обоих его ипостасей. Сам Лис из-за специфики своего поста в Контроле засекречен с ног до головы. – Дед.

– А если никого не встретил бы? – Ланка достала первую ватрушку, – А почему она фиолетовая?

– Потому что галактическая. – серьезно пояснили ей, – Если бы не встретил, слопал бы сам, в одно лицо. И лопнул.

Ватрушка оказалась вкусная, кисло-сладкая, пирожок с мясом тоже исчез в одно мгновение. Тополь сидел рядом, подставив лицо солнцу. Он сменил свои вечные рубашки на футболку с надписью “kurwa bobr” и выглядел уж точно не на сорок лет, как в общежитии. Будто не было этого месяца, даже полутора. Скандалить как-то расхотелось, вместо этого она подняла жалобные глаза.

– Я скучала...

– Так зашла бы, зачем я тебе адреса писал вот этими руками? – Он, казалось, удивился, – я думал ты раньше появишься.

– Я сначала стеснялась, а потом потеряла бумажку.

– Балда. – у Тополя вышло очень необидно и как-то ласково, – Хочешь великую мудрость?

Ланка помотала головой. Жизнь стремительно налаживалась, а ей оказывается мало нужно для хорошего настроения.

– Не хочу. – Ясно же, что ничего хорошего не скажет, а будет получать.

– Ну и сиди не мудрая, – фыркнул Тополь, хитро кося на нее правым глазом, – кстати, чего на звонки не отвечаешь?

– Телефон забыла.

– А.., – продолжить фразу ему помешал громкий волчий вой, – А я вот не забыл. Я сегодня молодец. Да, Пёс.

Глава 19 Работа и начальство

Телефон любезно донес матерное мнение начальника о подчиненном, который пропускает сборы, тренировки и непосредственно любимую работу. Кажется Пёс и без телефона мог докричаться, Ланка его прекрасно слышала и на всякий случай аккуратно отползла подальше, а Тополь совсем не впечатлился.

– Виноват, сейчас исправим. Боец Тополь переходит в распоряжение начальника СУОБМ на неопределенное время. – На груди у Тополя мягко мигнуло желто-зеленым.

– Ты с каких пор гласом Мироздания заделался?

– Ну раз они сами отвязать не могут, то придется мне, бедняжке. Не бухти, Пёс, ведь сработало? Вот и все.

Название своей новой работы Ланка опознала быстро и почувствовала себя немного обманутой. Когда она пыталась ему рассказать о кармане, он отмахнулся. Фантазия у нее, видите ли хорошая. А сам боец, как и папа. Выучила названия и структуру служб она в первую очередь. Кажется, отец именно про этого Тополя говорил.

– У меня, значит, фантазия разгорелась, да? – она грозно прищурилась. – Я, значит, чушь несу?

– Про чушь я не говорил, – примирительно поднял руки Тополь. – А ты признаешь, что у тебя плохая фантазия?

– Обычная, – Ланка гордо отвернулась и надкусила ещё одну булку. Обижаться и одновременно жевать вкусняющие штуки, которые именно этот человек и притащил было практически невозможно. Ланка сопела, угрюмо смотрела на реку, от молчала.

– Да ладно тебе, – он потрепал ее по голове.

– Ты тоже видишь Негород и молчал.

– Есть такая неприятность, статут о секретности называется, – радостно закивал Тополь, но его прервал истерично заржавший телефон, – Да, а тебе чего неймется?

Голос Радомира Мстиславовича в трубке начал не очень разборчиво распекал Тополя в нарушении каких-то правил и орать про звонок Пса. Рада Ланка уже не боялась, но старалась не злить, Тополь сидел со скучающим видом, положив телефон рядом. На лице его было написано, что именно эту мелодию он поставил не просто так.

– Все сказал? – Вежливый вопрос в момент паузы в словах спровоцировал новый поток красноречия. – Радомир. Помнишь Сталинград? А Москву? Мне повторить?

Трубка помолчала, потом виновато спросила.

– Я увлекся, да?

– Немножечко. Итак, мы включились и начали думать, очень похвально, – Тон сменился с холодного на благодушный. – Кого должны волновать поиски Уроды и ее внука? Правильно, Мироздание. А кто этим занимается? Боец Тополь, чудесно. А что должно сделать в этом случае Мироздание с бойцом Тополем?

Ланка быстро взглянула на Тополя. Он тоже ищет Акселя? Стало холодно и тревожно, но она решила пока на эту тему молчать.

– Уведомить командира и временно перевести упомянутого бойца под начало Мироздания. Я забыл, – покаянно признался Радомир.

– Что мы имеем? Я исправляю твой про.. – Тополь посмотрел на Ланку и поправился, – твою промашку, а в итоге...

– Мне звонит Пёс и требует разъяснений, почему у него Боец внезапно привязывает себя к Мирозданию и откуда он знает формулировки, если он, Пёс, его точно не учил? И Сокол не учил. – рявкнул Радомир.

– И ты, конечно, вываливаешь всю подноготную, историю нашего знакомства и непростые отношения?

– Разумеется, я говорю, что это я тебя попросил и научил на случай, если сам забуду, потому что у самого работы по горло. Будто Пёс знает как на самом деле это работает.

– Цыган, чучело, а мне зачем позвонил, похвастаться? – на лицо Тополя набегают тени и 20-летним он больше не кажется, теперь скорее больше пятидесятилетним.

– Вспылил, – раскаянно говорит Радомир, – День не очень. Корректоры в очередной раз налажали, распушу всех к едрене фене, хтось в области благополучно перекусила команду бойцов и смылась обратно в дом, а Дед уже уехал. И тут ты...

– А, ну то есть как с собакой? – заломил бровь Тополь, – Приятно, когда некоторые вещи не меняются.

– Себ, я не хотел... Ну реально, просто под горячую руку..

– Не оправдывайся, выглядишь глупо. – оборвал Тополь, – у тебя все?

– А что твоя интуиция говорит о поводе этой гадости в области? Прислушайся, а?

– То, что надо попробовать договориться, а не махать кулаками. Ну что ты молчишь? Хочешь, съезжу я в эту область при случае? Скинь досье.

Честно говоря всерьёз этого вечного студента в их общаге никто не воспринимал. Просто раздолбай без роду-племени, носит обтрепанные джинсы с дырками, слегка вытянутые старые свитера или клетчатые рубашки. Иногда пропадает неделями и непонятно как сдает при этом сессии. Где он работает студенты не знали и строили кучу предположений от дворника до главы какой либо спецслужбы. Но уж чего Ланка и представить не могла, что он может называть такого сурового и строгого Радомира Мстиславовича чучелом.

– Вот ты говоришь, что секретность, но при этом при мне спокойно все обсуждаешь? – Радомир Мстиславович часа полтора ей объяснял, почему про Негород нельзя рассказывать и грозил, что он ей голову оторвет, если она скажет слово СУОБМ на улице или при ком-то. А тут Тополь при ней все выбалтывает

– Мне надо было проверить про тебя Аксель говорил или нет. – Серьёзно объяснил Тополь. – Самый простой способ.

– А если бы я не знала про Негород? – любопытно уточнила Ланка, дожевывая булочки и отряхивается руки от крошек.

– Наплел бы что-нибудь про ролевую игру или книгу, – беспечно отмахнулись от неё. На руке цветным росчерком мелькнули браслеты, – Долго ли умеючи?

– А мне Радомир Мстиславович обещал голову открутить, если скажу, а тебе ...

– Так и я в Негороде поболее твоего буду, – флегматично заметил Тополь, – У меня восторг неопита так давно прошел, что я уже забыл как это. Цыган прав.

– А почему Цыган? – она покосилась на карман так, будто из него сейчас выпрыгнет начальство и погрозит пальцем.

– Мелкий, чернявый и тащит все, что не приколочено, – ностальгически ответили ей, телефон блякнул, извещая, что Радомир не сильно тянул с файлами.

– Не похож же и не черноволосый он, – возразила Ланка, Тополь вздохнул.

– Обрати внимание, он не очень высокий и на самом деле худощавый, просто погрузнел с возрастом, кабинетная работа ему не на пользу. А волосы, сейчас он просто седой.

– А почему он тебя называет Себом? Тебя же по-другому зовут?

– Как, Тополем? – Он поднял бровь, Ланка смутилась, поняв, что имени он своего так и не сказал.

– Ой...

– Себом меня при рождении назвали, – Тополь как-то грустно усмехнулся и посмотрел на попытки Ланки сообразить что это за имя. – Себастьян.

– Оно не русское же ...

– Так и я не русский, – Тополь хмыкнул, просматривая файлы. – Съездим в область?

– А что там?

– В заброшенном доме на окраине деревни слышны странные звуки, напоминающие шипение и кошачий вой. А бойцы выходят оттуда зверски покусанными и исцарапанными. – Послушно перевел с канцелярского языка Тополь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.